СЛОВО-ОБРАЗ «ДУША» В ПОЭЗИИ НИКОЛАЯ РУБЦОВА

До конца, До тихого креста Пусть душа Останется чиста!

Перед этой Желтой, захолустной Стороной березовой Моей. Перед жнивой Пасмурной и грустной В дни осенних Горестных дождей, Перед этим Строгим сельсоветом, Перед этим Стадом у моста, Перед всем Старинным белым светом Я клянусь: Душа моя чиста.

Пусть она Останется чиста До конца, До смертного креста!

(Николай Рубцов)

«Правда таланта» и «внутреннее зрение» Николая Рубцова

В статье А. Блока «Душа поэта» есть развернутая метафора, которая помогает нам понять душу творца: «Писатель – растение многолетнее. Как у ириса или лилии, росту стеблей и листьев сопутствует периодическое развитие корневых клубней – так душа писателя расширяется и развивается периодами, а творения его – только внешние результаты подземного роста души». А в письме А.И. Арсенашвили он раскрывает само понятие «человеческая душа»: «То чудесное сплетение противоречивых чувств, мыслей и воль, которое носит имя человеческой души». В статье «О Пушкине» А. Блок пишет о том, что если «поэт гибнет», то «звуки, им рожденные, остаются и продолжают содействовать самой цели, для которой искусство создано: испытывать сердца, производить отбор в грудах человеческого шлака, добывать нечеловеческое, звездное, демоническое, ангельское даже, и только звериное – из быстро идущей на убыль породы, которая носит название «человеческого рода», явно несовершенного, и

должна быть заменена более совершенной породой существ». Для того чтобы справиться с этой сложной задачей, писатель (или поэт) должен иметь «внутренний такт, ритм», а всего опаснее – потеря внутреннего слуха».

Николай Рубцов, как свидетельствуют в своих воспоминаниях его друзья, обладал этим внутренним зрением. Александр Романов писал: «У человека могут быть одновременно как бы два слуха, два зрения, два потока существования – верхний и глубинный. Они не совпадают друг с другом. Верхний поток несет обыденность, а глубинный – истинность жизни. Рубцов был из «глубинных людей». Не случайно он обронил «Я слышу печальные звуки, которых не слышит никто». И это была не рисовка, а горькая, изнурявшая его самого внутренняя правда таланта».

Эта «правда таланта», это «внутреннее зрение», это ощущение себя частью огромного мира, душевная бесприютность, обостренное чувство Родины были особенно нужны в три последних десятилетия, так как, по мысли литературоведа Юрия Селезнева, «Николай Рубцов вошел в литературу в то памятное время, когда о лучших традициях русской классической поэзии напоминали скорее используемые в стихах имена Пушкина и Блока, нежели сам дух, сам смысл творчества многих из современников Рубцова; когда бездуховность ультрамодных приемов, ритмов и рифм, рациональных метафор, ребусоподобных образов выдавались — чего греха таить — и принимались за неоспоримые достоинства и даже подлинные поэтические ценности».

Душа поэта в поэтических этюдах о русских писателях

В книге «Созидающая память» Ю. Селезнев рассуждает о том, как необходимо для истинного поэта жить чувством духовного родства со своей землей, со своим народом, с его миропониманием, с его сокровенной душой: «Быть русским поэтом значит быть эхом русской земли, своего народа».

Н. Рубцов выразил это в своем небольшом лирическом эссе «О Пушкине»:

Словно зеркало русской стихии, Отстояв назначенье свое, Отразил он всю душу России! И погиб, отражая ее...

Пушкина многие называют «эхом мира», Н. Рубцов сравнивает его «с зеркалом русской стихии». Одним из ключевых слов в своем стихотворении о Пушкине Рубцов берет слово «душа». Особенно лексически емким становится поэтический образ «душа России», который подчеркивает, что поэт вошел в историю России не на фоне ее пейзажа, а сам стал его частью, частью души России.

История души писателя, поэта была предметом поэтических раздумий Н. Рубцова, хотя иногда в стихах само слово «душа» не встречается, а суть стихотворений более соответствуют формуле Ф. Достоевского: «Человек есть тайна». По словам Н. Рубцова, М. Лермонтов «уже давно, как в божью милость, верил в свой смертный рок», он «зевнул невозмутимо, и пистолет отбросил прочь» («Дуэль»). Н. Гоголь «вышел из кареты на свежий воздух. Думать было лень» («Однажды»).

Но он во мгле увидел силуэты
Полузабытых тощих деревень.
Он пожалел безрадостное племя,
Оплакал детства свеплые года,
Не смог представить будущее времяИ произнес: - Как скучно, господа!

(«Однажды»)

Тайна души поэта и писателя воссоздается очень лаконично в этих поэтических этюдах и вместе с тем очень глубоко: с «начала жизни», с детских лет и до того момента, когда человек разочарован жизненными и творческими неудачами и в самой душе нет потребности в идеале, как раньше («Моя душа, я помню, с детских лет чудесного искала»). Несомненно то, что Николай Рубцов пытался осмыслить в этих стихах: что же происходит с душой поэта, если она теряет связь с миром и не выходит за рамки собственного эгоистического «я». Ощущение себя частью огромного мира Божьего и делает человека человеком, а человеческую жизнь осмысленной и необходимой, а поэтическое творчество –значительным.

Александр Романов дает ответ на вопрос: почему же слово поэта Николая Рубцова «упало в русскую душу». «Обнаженное до заклинания, наполненное любовью к Матери-родине, такое состояние духа удерживает в основе молитвенную чистоту звучания, пучковый свет времени».

А сам Н.М. Рубцов в своих письмах к А.Я.Яшину рассуждал о достоинствах поэзии так: «Главное, чтоб за любыми поэтическими формулами стояло подлинное настроение, переживание, которое, собственно, и создает, независимо от нас, форму. А значит, еще главное – богатство переживаний и настроений... чтобы не было бедности, застоя интонаций, форм».

Стихи Н. Рубцова как синтез традиций русской поэзии

В творческом плане поэзия Н. Рубцова – это синтез многих традиций: Ф.Тютчева и А. Фета, А. Блока и С. Есенина. Какие же поэтические традиции в изображении души человеческой он продолжал, что нового внес в тему истории души, какие использовал художественно-изобразительные средства при раскрытии этой темы?

Если мы будем проникновенно читать поэтические исповеди Е. Баратынского, М. Лермонтова, Ф. Тютчева, то увидим, что их прежде всего интересует самоценность самой души, возвышенность ее порывов и состояний. В них звучит откровенное признание больной души, ее грехов, утверждение хрупкости жизни, силы чувств и бессилия воли. Человек находится в состоянии душевного сиротства перед лицом хаоса, да и в самой душе заключена роковая сила. Мир, бездушный и бесстрастный встречает и провожает человека, а жизнь его – бесполезный подвиг. Душа хочет слиться с миром природы, но чаще всего это невозможно.

Исповеди М. Лермонтова заканчиваются идеей самоценности личности, верой в нравственные силы души («Под ношей бытия не устает и не хладеет гордая душа»). Исповеди Ф. Тютчева запечатлевают процесс потери человеком самого себя, процесс омертвения души («так и в груди осиротелой, убитой хладом бытия»), мотив «двойничества», расщепления

души. Хаос, бурная, слепая, разрушительная и созидающая сила в творящей природе и та же роковая сила — в человеческой душе. В самой мелодии звуков, в словесных повторах, в обилии близких определений (и семантически, и музыкально) какая-то страдальческая, горестная покорность. Например, осенний дождь заставляет почувствовать беспечность и беспросветность человеческих страданий.

Стиховая «вязь», смысловые и звуковые повторы усиливают чувство безысходности:

Слезы людские, о слезы людские...
Льетесь вы ранней и поздней порой,
Льетесь безвестные, льетесь незримые,
Неистощимые, неисчислимые.

Вспомним, как просветляет душу человека стиховая «вязь» в стихотворении «До конца» Н. Рубцова:

До конца, До тихого креста Пусть душа Останется чиста...

Пусть она Останется чиста До конца, До смертного креста.

Для Е. Баратынского, поэта-исследователя, пришедшего к идее счастья, как и Ф. Достоевский, через страдание, интерес представляла душа, испытавшая мытарства, душа в ее «сумеречном» состоянии. Поэтому в описании жизни души занимают большое место сочетания с семантикой болезненности, бессилия души («Невольный мрак души моей». «Но нет уже весны в душе моей»). Человек, по мысли поэта, для мира великого и вечного еще не дозрел. Фатальную силу несчастья человек познает на себе («Осень»). Ему видится «одряхлевшая вселенная», когда последняя смерть сметет с лица земли остатки человеческих семей. И снова взойдет солнце, но его никто не увидит. Тогда смерть становится разрешением всех загадок: она разрубает запутавшийся гордиев узел жизни.

В поэзии Н. Рубцова человек тоже стоит на пороге смерти («Старик», «До конца»), но душа «его светла, как луч». А. Романов пишет о том, что когда-то образ «душа, как луч» ему не понравился, и вот спустя годы он «не кажется теперь ему метафорой, а ощущается вновь энергией жизни». «И если каждому из нас, — пишет он, — расплавить бы свою душу до ответного луча, пусть даже до малого лучика, то отступила бы от нас стужа бездуховности и беспутья. Но наши души — потемки».

У Н. Рубцова не так много повторов синтансических конструкций. Но выражение со сравнительным оборотом «с душою светлою, как луч» повторяется в стихах «Старик» и «Кого обидел?»:

Идет себе в простой одежде, С душою светлою, как луч!

(«Старик»)

Есть сердобольные старушки С душою светлою, как луч.

(«Кого обидел?)

Этот повтор указывает на то, что философский взгляд на человеческое бытие у Н. Рубцова совсем другой, тем более на человеческую душу. Его тоже волнует мгновенное и вечное, жизнь человека на грани двух миров, Но человек, как частица природы, вмещает в своей душе завитки всего мироздания и, повинуясь их естественному расположению, он влечется своим умом и чувством к мирозданию. В человеке есть предчувствия и предугадывания всего, что лежит в природе. Частицей такого мироздания у Н. Рубцова нередко является родная деревня. Мы видим человека тоже на грани двух миров. Имеется в виду использование широкой метафоры в стихотворении «Уже деревня вся в тени...».

Уже деревня вся в тени.
В тени сады ее и крыши.
Но ты взгляни чуть-чуть повыше —
Как ярко там горят огни!
Одна у нас в деревне мглистой
Соседка древняя жива,
И на лице ее землистом
Растет какая-то трава.

Использование широкой метафоры позволяет увидеть через поэтическое сознание автора одухотворенную жизнь человека и природы в неразрывном единстве. Деревня условно становится частью Вселенского мироздания, где живет душа поэта, чутко улавливающая борьбу «света» и наступающей «тьмы». Душа поэта живет светом, она жаждет света:

И все ж прекрасен образ мира, Когда в ночи равнинных мест Вдруг вспыхнут все огни эфира, И льется в душу свет с небес.

В Священном Писании сказано: «Бог есть свет, и нет в нем никакой тьмы» (Посл. Иоанна. Гл.1. Ст.5). По учению православной церкви, душа человека относится к роду «эфирных духов – умных сущностей особого свойства». Опираясь на эту семантическую цепочку слов: «огни эфира», «эфирные духи», «душа», мы можем представить себе одинокого человека, который находится перед лицом всего мироздания, перед порогом, на границе двух миров, связанных с борьбою «света» и «тьмы». но душа у этого человека не находится в состоянии смятения, страха, потому что рядом «соседка древняя жива, и на лице ее землистом растет какая-то трава» (она уже при жизни стала воплощением единства природы и человека), а с

небес, кажется нам, смотрят глазами «эфирных духов» чьи-то незримые живые души тех, кто, возможно, жил на этой земле. Таким образом, Н. Рубцов, как и Ф. Тютчев, напряженно вглядываясь в эмпирическую действительность, пытается осмыслить в поэзии тему единения человека с природой, которое приносит ему счастье, душевное просветление. Но Тютчева, в большей мере, чем Рубцова, интересует причина разлада с природой, которая заключена, по его наблюдениям, в самом человеке. Погруженный в «злые» страсти, человек не в состоянии принять ее гармонический и благодатный мир, хотя всеми силами души стремится выйти из «хаоса» к гармоническому просветлению через единение со светлым миром Матери-земли.

Н. Рубцов, в отличие от Ф. Тютчева, Е. Баратынского, М. Лермонтова, не противопоставлял человеческую душу «согласью полному в природе», так как считал, что, прозревая, она стремится не к хаосу, а ко всеобщей гармонии и сама становится «хранилищем красоты» мироздания.

В большей мере, чем его поэтические предшественники, которых интересовала стихийная сущность души человеческой, он всматривается в русскую действительность: в скромный быт деревень, пустынные дороги, в небеса, «горящие от зноя», в картины осенней грусти природы, вслушивается в звон колоколов и колокольчикового луга, в жалобный крик болотной птицы, в «дождевой веселый свист», в звон «солнечной листвы» и видит, что нет конца всему живому на земле, если «душа хранит» все это в своей памяти. Его как поэта интересует более сам процесс прозрения человеческой души. Этой теме посвящена большая часть его стихов.

В русской поэзии немало поэтов с «уставшей душой». Среди них 3. Гиппиус, Д. Мережковский, С. Надсон. Какова же причина «усталости души»?

В стихотворении «Леонардо да Винчи» Д. Мережковский называет титана эпохи Возрождения «богоподобным человеком». Это «богоподобие» в полной мере присуще поэтам, которые призывают человека быть собственным творцом, не доверяя ни Богу, ни природе. Для человека, считает 3. Гиппиус, «и смерть и жизнь – родные бездны», поэтому призывный глас поэтессы звучит так: «Будь бездной верхней, бездной нижней, своим началом и концом». Нельзя верить ночному часу, так как человек в этот час ближе всего к смерти. Нельзя любить осень с ее «пустыми очами». А вспомните, сколько светлых тайн открывает душе поэта осень в лирике А.С. Пушкина. У Н. Рубцова она помогает лирическому герою уйти в «прекрасную глушь листопада, в багряный лес» открыть тайну «древнейших строений и плит», и тогда от прежней грусти останется только тревога о том, «что осень, жар-птица, вот-вот улетит).

Если сравнить мировосприятие одной и той же «животворящей святыни» – воды, то Рубцов в отличие от Гиппиус (сравним стихотворение Н. Рубцова «Душа хранит» и стихотворение З. Гиппиус «К пруду») хранит в своей душе славянское представление о воде как о светлой стихии, поскольку без нее жизнь на земле не может существовать. Таковы и народно-поэтические представления о воде. Русский литературовед, фольклорист А.Н. Афанасьев в статье «Вода» пишет: «И огонь, и вода – стихии светлые, не терпящие ничего нечистого: первый сжигает, а вторая смывает

и топит всякие напасти злых духов». Земля, по свидетельству старинных памятников, покоится на водах всесветлого (воздушного) океана; «на воде яко же на блюде, простерта силою всеблагого Бога».

Оба поэта употребляют два почти созвучных предложения: «Вода прозрачнее стекла» (Гиппиус) и «Вода недвижнее стекла» (Рубцов). Вода несет в себе отражение: у Гиппиус - «кусты рябин», у Рубцова - божий храм». У Гиппиус - «вода немая умерла», она зовет к «уединенью, забвенью, освобожденью» на дне пруда. Взгляд Рубцова тоже обращен ко дну, но он видит не мертвую воду, а щуку, которая, «как стрела пронзает водное стекло», «отраженный глубиной, как сон столетий, божий храм», а затем его взор обращается к Руси, названной им «великим звездочетом».

И всю эту красоту «хранит душа». Вот она вечность, в которой заключены все деяния души, все цепочки мироздания, которые душа соединяет.

Иногда поэтам «уставшей души» становится неловко и совестно от солнца, цветов счастья, и тогда их «сердце просит чуда» (3. Гиппиус.«Песня»), потому что «небеса унылы и низки, а дух – в них». Светоносной душе Н.Рубцова не нужно другого, неземного чуда, он находит отражение небесного чуда в красоте земной, а земная плоть становится частью духовной сферы, частью души человеческой.

Знакомство автора данной статьи с книгой С. Грофа «За пределами мозга», выпущенной в Праге в 1993 году, позволяет сделать вывод о том, что своей природой понимания души как субстанции мира, бессознательно, в силу гениальности своего поэтического ума, Рубцов отрицал существование механической Вселенной Ньютона, по которой жизнь зародилась в первозданном океане случайно, в результате беспорядочных химических реакций. Ближе всего его размышления о природе, о человеке - к раликальной школе мышления «шнуровочного подхода» Джеффри Чу, Согласно «шнуровочной философии», природу нельзя редуцировать к каким-либо фундаментальным сущностям, вроде элементарных частиц, она должна пониматься целиком в своей самодостаточности. Реальность - это бесконечность разных вселенных. Согласно этой теории, жизнь выходит за рамки органической жизни, она не идет в неодушевленной Вселенной, так как сама Вселенная становится живой. Его мировоззрению бессознательно близка теория А. Янга, которая объединила квантовую теорию, теорию относительности, химию, биологию, психологию, историю, перекинула мост через пропасть, разделяющую науку, мифологию и вечную философию. Согласно этой теории, во всех генетических цепях люди - братья и сестры растениям и животным в области духа, так как антропосфера (человеческая сфера) и биосфера (животный и растительный мир) очень близки друг другу, с ними связана креотосфера (творческая сфера), эргосфера (духовная сфера), астросфера (космос) и геосфера (твердая оболочка).

Поэт, который является хранителем души Богоподобного человека, становится обладателем человека мертвенных заветов, иногда он попадает в плен своей собственной души и пытается выбраться из него, преломляя свою душу о книгу, как поэт А. Майков, стих которого поражает нас рельефностью своих очертаний, счастливым сочетанием пластики, красоты, рисунка, но все-таки душа такого поэта в плену внешнего мира.

Николай Рубцов принадлежит к числу поэтов, которые стремятся в

одном слове сосредоточить пафос души, пафос молитвы, пафос природы. Такой поэт не спугнет в природе ни одного соловьиного звука, душа слышит «сосен шум», и в ней наступает просветление; она слышит «голос ведьм», которые поют «в глуши так жалобно», что чаруют всех «детским пением». В его стихах поет и плачет, и радуется человеческая душа: в «криках перепелок», «жалобном крике одинокой кукушки», она звенит степными колокольчиками, и вместе с ней мы слышим, о чем «рыдают и плачут ромашки».

Поэт Н. Рубцов, как и И. Бунин, и А. Блок, не навязывал природе своих душевных состояний, он любил ее за нее самое. Общая успокоенность, когда «ничего не жаль», все сердцу мило и любо в природе, сближает его с А. Пушкиным и С. Есениным. У него нет особых пристрастий к миру. как, например у А. Фета, душа которого больше ждет ночи, а не дня, так как «ночью можно смотреть в лицо природы спящей и понимать всемирный сон и именно ночью, во мраке, виден «единый путь до Божества». Солнце для А. Фета - «мертвец с пылающим лицом» в отличие от И. Бунина, который верит солнцу, ведь оно зажигает родники вселенной и лампаду человеческой души. Н. Рубцов любит и день, и ночь. Ф. Тютчеву страшна ночь, «срывающая ткань благородного покрова» с рокового мира», обнажающая бездну со всеми «странами и мглами» и разрушающая преграду между человеком и природой. Н. Рубцов «видит свет во мгле снегов», видит, как «в морозном тумане мерцая, таинственно звезды дрожат». В стихотворении «Мачты», созерцая звезды над бездной моря, не веря в то, «что все перейдет в забытье», он видит ночами, как «ломаются березы», «мечутся цветы», но «светлое утро хочет встретить, как светлую весть». Душа лирического героя ночью тоже наполняется тревогой:

> Когда заря Смеркается и брезжит, Как будто тонет В омутной ночи...

Как будто солнце Красное над снегом, Огромное Погасло навсегда...

(«Наступление ночи»)

А в стихотворении «Зимняя ночь» душе поэта чудится, что «кто-то стонет всю ночь на кладбище, кто-то гибнет в буране», но даже ночью «души не трогает беда», если эта ночь на родине, когда душой овладевает «светлая печаль», потому что душа видит, «как лунный свет овладевает миром». Стихия света, как и стихия воды, рассматривается у Рубцова на основе славянских представлений о душе человека: природа души огненная, это жизненная сила и сообщает блеск глазам человека, жар крови, вызывает чувства. Языковые примеры это тоже подтверждают: «воскресать» (возвращаться к жизни) от «крес» – «огонь», отсюда метафора «души» – «звезда». Звезды воспринимались славянами как искры огня в высотах неба.

Ночное видение Рубцова связано с природой света, огня настолько,

что его поэзию можно воспринимать, как дрожащее от света звезд мироздание, которому нет ни конца, ни начала, огни памяти души – они возникают либо в настоящем, либо в прошедшем, либо предсказывают судьбу поэта («Первое слово», «Русский огонек», «Венера»). Душа у Рубцова – не хранительница теней, как у поэтов с «уставшей душой», поэтому не нужно скрывать в тени свои мысли и чувства, оттого так близка поэту ночная звезда, ночной огонек, свет Венеры и его отражение в пруду. Светоносная душа Рубцова струится тихой радостью, когда видит снега России, среди которых «расцвел душою Пушкин молодой», так как снега России несут поэту свет и очистительную светлую радость для души.

Душа поэта – это не просто «голубой аквариум» (Розенбах), в котором можно все увидеть, она живет своей жизнью: она любит и страдает, соединяя временное и вечное, близкое и далекое, земное и небесное, продолжая быть Творцом мироздания, как Абсолютный Дух. Поэт богоподобен, но только в одном – в акте творения человеческой души. Предчувствуя прогрессирующую бездуховность человека XX века, невостребованность поэзии под натиском урбанистической, технократической или утилитарной массовой культуры, он сочувствовал поэзии, как живому существу.

Теперь она, как в дымке, островками Глядит на нас, покорная судьбе, - Мелькнет порой лугами, ветряками — И вновь закрыта дымными веками... Но тем сильней влечет она к себе!

(«Поэзия»)

Идея «круга» - необходимый элемент композиции стихов о прозрении души

Текстуальное изучение произведений Н.М. Рубцова позволяет нам сделать вывод о том, что в основе многих из них, если брать во внимание композицию, лежит, как и в основе «Троицы» Андрея Рублева, идея «круга», который в славянской мифологии символизирует не только постоянное движение, характеризующееся повторяемостью, но и вечное возрождение, торжество сил света. Это касается прежде всего тех стихов, которые раскрывают процесс прозрения души человеческой.

Прекрасным поэтическим этюдом такого рода является стихотворение «Венера», в котором синтезированы философские мысли поэта о том, что все в божьем мире взаимосвязано, когда свершается акт творения красоты. Таинственная сила красоты света Венеры столкнулась с душой поэта, излучавшей свет. Играющий на воде свет Венеры оказался сильнее и коварнее, поэтому поэт уплывает за ее отражением. Но над старым прудом стоит уже новый поэт, который чувствует, что может повторить поступок и разделить судьбу погибшего поэта:

Старый пруд забывает с трудом, Как боролись прекрасные силы, Ио Венера над бедным прудом Ловедет и меня до могилы! Обращаясь к деталям-призракам (в отличие от деталей-предметов, деталей-действий), которые создают композиционное единство и подтверждают идею круга в ее основе, мы чувствуем, что «возбужденная душа» поэта проходит круг своего прозрения, чтобы открыть тайну красоты мира и прийти к мысли, что служить поэзии и красоте нельзя равнодушно, отчужденно от самой природы и прежде всего от «света». Какие же детали-призраки помогают понять эту мысль? Это осенняя стужа; «бедный пруд», над которым «любовно» блещет Венера; «прекрасный поэт» с «душой, излучавшей свет»; «играющий свет Венеры; старый пруд, хранящий память о том. «как боролись прекрасные силы»; другой поэт, которому не уснуть от любви, от чувства одиночества, от желания постигнуть душой красоту, от мыслей, что же здесь произошло и почему.

Круг замкнулся, но поэт, прошедший через него, прозрел: творения Орфея, победителя Хаоса, продолжают деяния Бога, так как поиски прекрасного для души не остановить. Душа тянется к свету, этот свет помогает развить планы и наброски Божества, контуры природы. Орфей, посланник Бога на земле, сплетает свое творчество с творчеством Вселенной. Душа поэта никогда не отдыхает, она беспрерывно совершает какое-то дело и остается вовеки непостижимой.

Взаимопроникновение души природы и искусства, души писателя и окружающего мира рождает мысль о бессмертии души человеческой.

В рассказе В. Белова «Душа бессмертна» нельзя не заметить рубцовских нот, созвучных душе писателя: «А то, что душа бессмертна, я чувствую сейчас всем своим естеством. Все собралось в этих неувядаемых звуках: и многоцветье полевых трав перед Ивановым днем, их многотысячные запахи-голоса, сливающиеся в один ароматный хор, и высокое солнце в щадящем неполном зените, и горизонт, искаженный струями марева и полуденной тени. Еще не пришла зимняя усталость, еще переполнены зеленой кровью деревья и травы моей родины. И речка наша чиста, и совесть моя чиста, когда я ныряю, вернее, падаю в отраженное омутом небо...».

С постижения природы начинается постижение свойств души. Для А.С.Пушкина природа — первейшее условие человеческого самоосуществления. Он видит в природе изначальность, вечность и находит в ней важнейшую предпосылку вечности самого человека. Н.М. Рубцов, следуя пушкинской традиции, пытается осмыслить: как человеческая душа, проникающая в усталую, грустную душу природы, вдруг обновляется, пробуждается от спячки. В стихотворении «Осенние этюды» основное начало принадлежит композиционным деталям-призракам, которые несут в себе отголоски человеческой тайны и тайны природы: «старая береза», которая осенью напоминает осеннюю бурю под порывами ветра; «девочка-малютка» под ее сенью (только они понимают и слышат друг друга); на девочке «бабушкина шаль», которая связывает как предмет-символ разные поколения людей; «бодрый, но с уснувшей душой человек», голос которого звучит играючи и вместе с тем заключает в себе нелепый вопрос: «Шалунья! О чем поешь?»

Затем встреча человека со змеей, как будто бы единственной божьей тварью, оставшейся после всемирного потопа, как и само безбрежное болото. Может быть, так и останется человек один: никто не отзовется, и уснет его могучее сознание, уснут мучительные страсти, и, не замечая, как плачет природа, он будет бодро повторять: «Как хорошо! Как прекрасно!» Но, нет! Явление «болотной гадюки», «яростных птиц», «сухое дерево» внезапно разбудили спящую душу человека.

Да, да, я понят их предупрежденье, -Один за клюквой больше не пойду...

Чем же заполнит человек свою осеннюю погрустневшую душу? В начале стихотворения возникают образ огня и печи, который «не спит» и перекликается «с глухим дождем; образ часовни, «ветхой, сказочной»; «старой березки». Эти образы в мире природы значат то же

сказочной»; «старой березки». Эти образы в мире природы значат то же самое, что в человеческом мире бабушкина шаль, так как хранят в себе память поколений, память красоты. И мы к этим деталям начала стихотворения снова возвращаемся, так как они несут уже в себе дополни-

тельную философскую мысль.

А если мы еще перечитаем главы Библии, которые рассказывают о Моисее, убившем Египтянина и ставшем изгнанником; о том пути, которым «привел его Господь к достижению его цели»: пламя из тернового куста, которое не сжигало его (вспомним «березу, как огненную бурю»), жезл, который «по велению Бога» превратился в змею, а потом снова стал жезлом в руке; слова Господа: «Кто дал уста человеку? Кто делает его немым или глухим, зрячим или слепым. Не я ли Господь?» (вспомним уста человека зрячего — маленькой девочки и слепого «бодрого» человека, который нарушил уединение девочки и березы); возвращение Моисея, прозревшего, к народу своему; и возвращение человека к мысли о том, что нельзя находиться в состоянии одиночества — мы поймем, как велика для человека идея прозрения души.

Классически высокая тема прозрения души человеческой решена мастерски Н. Рубцовым на основе композиции и сюжета – круга: человек как бы попадает на живой вернисаж природы в предчувствии «своей осени» и в предчувствии «всего осеннего распада». Романтическое сознание, живя в человеке, толкает его к одиночеству, но в таком состоянии энергия жизни, любви замыкается в нем самом; душа находится под давлением воли, под властью ума. Но именно любовь ко всему миру должна стать великим состоянием духа, объединяя все доброе в душе человека, явить собой силу, побеждающую смерть, «осенний распад».

Чтоб в этот день осеннего распада И в близкий день ревущей снежной бури Всегда светила нам, не унывая, Звезда труда, поэзии, покоя, Чтоб и тогда она торжествовала, Когда не будет памяти о нас...

лить философски весь путь человека от его детства через одиночество, скитания, житейские невзгоды, неприветливую подчас природу; его возвращение к самому себе через прозревшую душу: возвращение к людям, к их повседневным заботам, к родине, к осени:

И только я с поникшей головою, Как выраженье осени живое, Проникнутый тоской ее и дружбой, По косогорам родины брожу...

И снова душа поэта обращена к «звезде труда, поэзии, покоя».

Очевидно, не случайно в образной структуре стихотворения преобладает женское начало: печь, часовня, береза, Русь, буря, девочка-малютка, осень, снежная буря, звезда. Это придает особый лиризм стихотворению, и, хотя слово-образ «душа» здесь не встречается в тексте, мы знаем, что речь идет именно о душе человеческой, о ее прозрении.

Семантическое значение слова-образа «душа» в поэзии Н. Рубцова

Текстологическое изучение сборника Н. Рубцова «Посвящение другу» (М., Лениздат, 1984) показывает, что слово «душа» было особенно любимым в его поэзии. В 200-х стихотворениях оно встречается 56 раз. Среди них есть стихи, в которых слово «душа» вошло в название стихотворения («Душа природы», «Душа хранит»).

Семантических значений, заключенных в слове «душа», в Толковом словаре русского языка С.И. Ожегова мы находим несколько. Это: 1) внутренний, психический мир человека, его сознание; 2) то или иное свойство характера; 3) переносные значения («душа общества») и фразеологические сочетания («живой души нет», «мертвые души»). Знаменитый «Оксфордский словарь» определяет душу как «источник жизни, источник мысли; средоточие эмоций, чувств и настроений» и «духовную составляющую человека, которая рассматривается в ее моральном аспекте по отношению к Богу». Библейская энциклопедия дает следующее пояснение к словосочетанию «душа человеческая»: «Сотворив первого человека Адама из земли, Бог вдохнул в него дыхание жизни, то есть душу, существо духовное и бессмертное». По смерти человека душа возвращается к Богу, который дал ее. «Философский словарь» под редакцией И.Г. Фролова дает пояснение термину «душа» и с точки зрения философии как синоним к слову «психика», внутренний мир человека, и с точки зрения религии - «бестелесная бессмертная нематериальная сила, имеющая независимое от тела существование».

Раскрывая тему истории души человеческой, и прежде всего поэтической души, Н. Рубцов чаще всего использует слово-образ «душа» со значением «орган внутренней жизни человека», вместилище чувств, ощущений и впечатлений. Из других значений у Н. Рубцова представлено значение «бессмертное начало в человеке и черты, свойства личности, характера». Встречаем это слово-образ в следующих словосочетаниях.

Душа — «орган внутренней жизни» : «В душе былое не прошло»; «Страстей своей души боялся он, как буйного похмелья»; «Живой душе пускай, рассудок служит»; «В душе — огонь и воля, и любовь»; «Когда души не трогает беда»; «В душе былое не прошло»; «Когда душе моей сойдет успокоенье»; «Жизнь порой врачует душу».

Душа как «черты, свойства личности»: «Душа бунтаря»; «Поверьте мне, я чист душою»; «С душою светлою, как луч»; «Его уж любят, как святыню, кристально чистого душой»; «Молящейся этой души».

«Бессмертное начало в человеке»: «Душа свои не помнит годы»; «Давно душа блуждать устала»; «До конца, до тихого креста пусть душа останется чиста!»

Можно найти немало стихов, где поэт обращается к душе природы как хранительнице памяти о душе человеческой. Именно поэтому он назвал одно из стихотворений «Душа природы». Широкие метафоры и олицетворения («Звенит, смеется, как младенец»; «И вдруг разгневается грозно, совсем как взрослый человек»; «Играя с нею после гроз, узорным чистым полотенцем свисает радуга с берез») позволяют ему, как и Пушкину и Тютчеву, указать на то, что причина разлада человека с природой заключена в самом человеке, которого она не отвергает и всегда «младенчески чиста перед ним». Не случайно возникает образ младенца и узорного полотенца над ним («радуга с берез») – образ природы, которая духовно близка ему, приносит ему счастье, а сам он часто погружен в «злые» страсти, и ему не понять ее гнева, когда она уподобляется ему, «богоподобному» существу.

Лирический герой поэзии Николая Рубцова – не разочарованный человек, не критик, не обличитель, а человек, жаждущий прозрения. В его душе нет хаоса, но гармонии не достает, его волнует мотив деяний души. В «Философских стихах» Н. Рубцова звучат мудрые изречения о душе, носящие афористический характер:

Пускай всю жизнь душа меня ведет!

Живой душе пускай рассудок служит.

Соединяясь, рассудок и душа Даруют нам – светильник жизни – разум!

Что счастлив тот, хоть с ног его сбивает, Кто все пройдет, когда душа ведет, И выше счастья не бывает!

Чтоб в смертный час рассудок и душа, Как в этот раз, друг другу улыбнулись.

Фразеология с употреблением слова-образа «душа» представлена в поэзии Н. Рубцова очень широко, и, несомненно, она раскрывает лири-

ческого героя как хранителя вечной народной мудрости, знаний о душе, которые передаются из поколения в поколение:

И узрела душа Ферапонта...

***

Тихая радость на душе струится.

***

Расцвел душою Пушкин молодой.

***

И просветлело на дугие...

**:

Льется в душу свет с небес.

Скрывая боль душевных ран...

***

И посетил мою душу покой.

***

По следам давно усопиих душ...

***

Когда душе моей сойдет успокоенье...

***

Когда души не трогает беда...

***

Давно душа блуждать устала.

***

Все по душе мне – сельская каморка...

***

Поверыне мне:

Я чист душою!

*** Жизнь порой врачует душу.

«Душа» в лирике Н. Рубцова – хранитель народной мудрости, но это еще в контексте многих стихотворений и музыкальный предмет самой природы, Душа, как эхо, откликается на зов природы причаститься к ее жизни, к ее красоте. В ней продолжает жить душа «простодушного», «изумленного» лесковского странника, у которого «душа, как лист, звенит, перекликаясь со всей звенящей солнечной листвой, перекликаясь с теми,

кто прошел, перекликаясь с теми, кто проходит"».

Поэту-страннику предстоит немало открытий, ему важно понять души своих предшественников – творцов красоты, так как акт творения Божьего продолжает кисть художника или поэтическая строка. Вглядываясь в Ферапонтово, как в даль времени, он пытается понять, что произошло с душой творца, когда он постиг тайны земной красоты.

В потемневших лучах горизонта Я смотрел на окрестности те, Где узрела душа Ферапонта Что-то божье в земной красоте. И однажды возникло из грезы, Из молящейся этой души, Как трава, как вода, как березы, Диво дивное в русской глуши!

Слово-образ «душа» – главный структурный элемент лирики Н. Рубцова

Слово «душа» становится объединяющим началом состояния лирического героя Н. Рубцова. В стихотворении «У размытой дороги», где лирический герой пытается заглянуть в собственную душу («Грустные мысли наводит порывистый ветер, плачет звезда над холодеющей крышей сарая»), вспоминая картины детства, предложение «Славное время! Души моей лучшие годы!» становится ключевым, а далее – речь о том, что свято хранит память «души»:

Скачет ли свадьба в глуши потрясенного бора, Мчатся ли птицы, поднявшие крик над селеньем, Льется ли чудное пение детского хора, -О, моя жизнь! На душе не проходит волненье.

На примере стихотворения «В глуши» можно пронаблюдать, как слово «душа» входит в синтаксическую структуру сложного предложения. Использование анафоры и большая частотность употребления слова позволяют поэту сделать акцент на этом понятии. Слово «душа» становится объединяющим началом всего текста, оно помогает соединить все пространство и время, объединить одной мыслью о вечной гармонии природы, о ее святости. Поэт раскрывает эту тему на высокой эмоциональной волне, где лексика проникнута единым семантическим значением «святости окружающего мира»:

Когда душе моей Сойдет успокоенье С высоких, после гроз, Немеркнущих небес, Когда, душе моей, Внушая поклоненье, Идут стада дремать Под ивовый навес.

Когда душе моей Земная веет святость И полная река Несет небесный свет,-Мпе грустно оттого, Что знаю эту радость Лишь только я один: Друзей со мною нет.

Если взгляд человека в вышеприведенном стихотворении скользит по вертикали, то в стихотворении «Угрюмое», где нет такого возвышенного состояния души, взгляд скользит по горизонтали: «угрюмые молы», «угрюмая птица», «угрюмые лица», «угрюмая речь», «угрюмые думы», и поэтому таким неожиданно-значимым становится безличное предложение со словом «душа» в конце стиха:

И стало угрюмо-угрюмо И как-то спокойно душе.

Морфологические и синтаксические конструкции со словом «душа» в поэзии Н. Рубцова

Светлая печаль, которая овладевает поэтом в минуты общения его души с душой природы, — это самое главное мироощущение его поэзии, и слово-образ «душа» становится главным структурным элементом его лирики. Богата поэтическая палитра поэта, которая позволяет пронаблюдать все смысловые оттенки слова «душа», хотя он и не пользуется, как Е. Баратынский, М. Лермонтов, Ф.Тютчев атрибутивными сочетаниями: душа больная, болезненная, слепая, безумная, убитая и т.д. Подобные сочетания описывают душу с точки зрения ее качеств. У Рубцова это крайне редко («Живой душе пускай рассудок служит»; «И, словно душа простая, проносится в мир чудес»; «Душа, излучавшая свет»). Объяснить это можно тем, что его поэзия менее обращена к состоянию души, к смене настроений, его главные мысли и чувства обращены к истории, к лирической памяти, к жизни народа, к природе. Душевная бесприютность заставляет поэта еще больше всматриваться не в собственную душу, а в душу России.

Но когда его интересует человеческая душа, а, в частности, душа поэта, например, Дмитрия Кедрина, которого Рубцов называет человеком с «кристально чистою душой», запоминается навсегда его выражение «кедринская душа».

О, как жестоко в этот вечер Сверкнули тайные ножи. И после этой страшной встречи Не стало кедринской души.

На примере «Философских стихов» можно также пронаблюдать, как Н.Рубцов использует слово-образ «душа» в глагольных конструкциях, где деяниям бытия человеческого противопоставлены деяния души. Здесь тоже слово «душа» становится ключевым, а глагольные конструкции со словом «душа» помогают ее воспринимать как орган внутренней жизни. Именно здесь находятся самые главные афористические высказывания о душе и среди них то, что можно поставить эпиграфом ко всему его творчеству: «Пускай всю жизнь душа меня ведет!»

Н. Рубцов: «Пускай всю жизнь душа меня ведет!»

В письмах А. Блока, которого очень любил Н. Рубцов, есть мысли о вочеловечивании души, о том, что поэт от «слишком яркого света» идет «через болотистый лес» к «отчаянию, проклятию, к возмездию и к рождению человека общественного, художника, мужественно глядящего в лицо миру».

Выдержит ли это испытание душа поэта, а вдруг она «дрогнет»? Об этом стихотворение Я. Полонского, приведенное А. Блоком в своем дневнике:

И дрогнет душа, потому что она
Несет две утраты тяжелые:
Утрату любви, что была так полна
Блаженных надежд, когда матерь-весна
Дарила ей грозы веселые,
Другая утрата — доверчивый взгляд
Й вера в людей, воспитавшая
Святую мечту, что всем людям я брат,
Что знанье убьет растлевающий яд
И к свету подымет все падшее.

Николай Рубцов в полной мере испытал эти утраты, но он всегда как будто бы находился в другом пространстве, в другом измерении. Он не был зодчим в прямом смысле этого слова, но он построил в своей душе храм, куда собрал все слова родной земли для того, чтобы связать воедино человеческие души. Своей прозорливою душою он, как и его гениальный предшественник А.С. Пушкин, улавливал все, что могла душа хранить, а прежде всего «спокойное», «тихое» слово, народное слово, народную мудрость, народную песню, поэтому его лирическое «я» порождает цепочку образов, которые, перекликаясь с разноголосым миром природы, обращены и к прошлому и к будущему России, «в пыли веков ему открывается вечность России». А значит, душа не одинока, она со всеми перекликается, она хранит в себе красоту окружающего мира, ее согревает свет далекой звезды; дыханье осени очищает душу от всего лишнего, потому что дуща в эти минуты наполняется молитвой; ночью можно смотреть в лицо спящей природы и понять смысл этого всемирного сна, если не спит душа поэта. Слово становится продолжением этой живой души.

> Ну так что ж? Пускай Рассыпаются листья! Пусть на город нагрянет Затаившийся снег! На тревожной земге,

В этом городе мглистом Я по-преженему добрый, Неплохой человек.

(«Осенняя песня»)

Вспомним строки стихотворения «Русский огонек»:

Спасибо, скромный русский огонек,
За то, что ты в предчувствии тревожном
Горишь для тех, кто в поле бездорожном
От всех друзей отчаянно далек,
За то, что, с доброй верою дружа,
Среди тревог великих и разбоя
Горишь, горишь, как добрая душа,
Горишь во мгле – и нет тебе покоя...

Когда Н. Рубцов писал эти строки, он не мог не думать и о своей судьбе, и о судьбе каждого поэта Руси, который своим теплым лирическим чувством согревает души многих людей, а тех, для кого слово стало продолжением живой души, – обжигает светом своей поэзии. Все живое на земле тянется к свету. «Душа, как луч» Николая Рубцова несет в себе энергию жизни. Александр Блок писал: «Родина — древнее, бесконечно древнее существо. Родине суждено быть некогда покинутой, как матери, когда сын ее, человек, вырастает до звезд и найдет себе невесту...» Такой невестой для Н. Рубцова стала его лирика. Но до тех пор, пока будет звучать поэзия Н. Рубцова, в «материнских глазах» России будет не только печаль о сыне, дотянувшемся до звезд и ушедшем за своей одинокой звездой, но и радость будет светиться в ее глазах, так как осталась на земле его душа, его мысли, его сердечные боли. Творец и творение. Мать и ребенок. Души их глядят друг в друга светлыми очами нового мира, сохраняя все, что свято и дорого русскому человеку.

2000 z.

ТАЙНА «ЗЕЛЕНЫХ ЦВЕТОВ» ПОЭЗИИ НИКОЛАЯ РУБЦОВА

(Occe)

Не возникало ли у вас желания взять самого себя за руку, как это предлагает сделать Уолт Уитмен и, освободив свое сознание от фанатизма среды, заключенного в желании привязать человека к единичным фактам его судьбы, вступить в океан Всемирности? Может быть, это позволит вам увидеть, как молоды сад мироздания и душа человека, способная до глубокой старости хранить память детства, в которой крики перелетных птиц, шум дождя, пение детского хора, первый подснежник, желтый листопад и причудливые рисунки изморози на оконном стекле, сквозь которое пытается заглянуть в вашу комнату восходящее солние.

Где-то на границе жизни и рая находится солнечная страна детства. Там, в золотой кладовой, спрятаны песочные часы нашей судьбы. Сквозь даль времени я особенно ясно вижу, как падают мои песчинки-мгновения, которые связывают мою судьбу с медленной поступью Вечности. Может быть, поэтому космическая невесомость связана в моем воображении с детскими санями, летящими по заснеженной горке к реке, покрытой голубоватым льдом, а ощущение свободного полета тела до сих пор живет во мне.

Чем ближе мы к порогу Вечности, тем дальше от нас эта удивительная страна и тем сильнее «труд ума, бессоницей больного». В такие минуты душа наша рвется ощутить рядом с собой, «как радость неземную», «сверкающее слово» поэта. Таким поэтом стал для меня Николай Рубцов.

Однажды я прочитала его стихотворение с загадочным названием «Зеленые цветы». Пытаясь понять философский смысл этой метафоры, я спрашивала у многих людей, что видят они за этим необычным словосочетанием. Ответы были интересные и неожиданные, как и сама метафора, тайну которой мне хотелось постичь. Дар поэта — это особое человеческое качество, которое позволяет продолжить сотворение мира словом. Важно при этом, чтобы оно было «живорожденным», чтобы в нем воплотилась звучащая стихия, живущая в недрах земли, в шуме талой воды, в завывании ветра, в зеленых цветах подорожника.

В поэзии Николая Рубцова очень мало ярких эпитетов, его душе сопутствует особая гамма красок: неброских, неярких, как сама северная природа, поэтому скрытая метафора «зеленые цветы» открывает нам новую стихию его души, которая хранит в себе какую-то тайну.

Как не найти погаснувшей звезды, Как никогда, бродя цветущей степью, Меж белых листьев и на белых стеблях Мне не найти зеленые цветы...

Прочитав эти строки, я подумала: «Для чего нужно искать поэту то, что невозможно найти?» И вдруг вспомнила о Николае Клюеве, сиротливая душа которого рвалась из «золотой клетки» Петербурга от «зрелища трущобных катастроф к «яркому гулу весенних зачатий». К такой же зеленой

стихии уходит поэтическая строка Ивана Бунина, которая навсегда осталась в моей памяти:

Не туман белеет в тихой роще, Ходит в темной роще Богоматерь, По зеленым взгорьям и долинам, Собирает к ночи божьи травы.

«Гул весенних зачатий», «божьи травы», «зеленые цветы». Сколько поэтов скромно и непритязательно призывают нас раствориться в зеленых волнах мирового океана, охватившего весь горизонт! И все это сливается в моем сознании в одну зеленую стихию, наполненную шепотом весенней листвы и зеленой травы, стоном талой воды, пасхальным перезвоном колоколов, запахом ландыша и фиалки, пением незримых певчих... И все это находит воплощение в прочной осязательной форме слова, «рвущегося к небесам возбужденной души».

Поэзия Николая Рубцова дорога и близка нам потому, что уводит нас к истокам нашей памяти, к «зеленым цветам» нашей судьбы: ведь в детстве наша душа испытывала те же самые потрясения красотой мира, которые навсегда остаются в сердце.

Усни, могучее сознанье! Но слишком явственно во мне Вдруг отзовется увяданье Цветов, белеющих во мгле.

По-прежнему «вьюга полночным набегом» заметает поля и «бревенчатый низенький дом», над которым «в морозном тумане мерцая, таинственно звезды дрожат», откуда ушло наше детство, теперь больше похожее на сон... Жив ли мой «запорошенный снегом дом», в котором, наверное, еще живут мои воспоминания и детские сны?

Песчинки моей памяти ведут меня на берег горной реки с бурным течением и мелкими перекатами, где июльскими вечерами мы смотрели рыбью пляску среди серых камней. Ранней весной на месте серебряных ручейков бурлила желтая вода, сбегающая шумным потоком с Кавказских гор. Водная стихия укрывала с головой молодую рощицу и подступала к старым, могучим прибрежным вербам, покрытым нежною зеленою листвой. Они дрожали от страха, но своим гордым видом старались это скрыть от ржавого потока, который, казалось, норовил схватить красавицу-вербу за косу и унести вместе с черными корягами в царство полноводных рек Кубанской земли...

Напрасно ждала меня в дни весеннего половодья моя родная школа на горном берегу: вода спадала медленно. Наконец, она уходила от порога нашего дом, и мы снова бежали в школу, по пути приглядываясь к зеленой траве, которая пробивала себе дорогу к свету из-под толстого слоя ила. Детские руки всегда тянутся к зеленой траве или цветам. Особенно радовали нас одуванчики, раскрывающие свой доверчивый лик под теплыми лучами весеннего солнца. Возвращаясь из школы, мы срывали одуванчики и плели себе желтые венки. Золотая корона у сорванного цветка держится

недолго. Увядают цветы, а мы с сестрой бежим к реке, чтобы подарить им новую жизнь. Венки летят в воду, мы спешим за ними, но стремительный поток уносит их в зеленую даль прибрежной рощи...

Тайна души поэта может открыться только тогда, когда мы начинаем всматриваться в его поэзию, его судьбу сквозь призму собственных ассоциаций и размышлений.

В письме к В. Ермакову, редактору своей новой книги стихов, которую, к сожалению, Николай Рубцов так и не увидел, так как жизнь его трагически оборвалась незадолго до ее выхода в печати, поэт писал: «Зеленых цветов не бывает, но я ищу их...»

О цветах Николай Рубцов писал всегда очень трогательно и нежно, боясь, как мне кажется, прикоснуться к ним не только руками, но и словом. Они дарили его сердцу самые дорогие воспоминания.

В зарослях сада нашего
Прятался я как мог.
Там я тайком выращивал
Аленький свой цветок.
Этот цветочек маленький
Как я любил и прятал!
Нежил его, - вот маменька
Будет подарку рада!
Кстати его, некстати ли,
Вырастить все же смог...
Иес я за гробом матери
Аленький свой цветок.

(«Аленький цветок»)

Цветы связаны в его поэзии с миром «тайной свободы», которая нужна художнику, чтобы прийти к истине через слово:

Красные цветы мои В садике завяли все. Лодка на речной мели Скоро догниет совсем.

(«В горнице»)

«Красные цветы» – это огоньки памяти Николая Рубцова, которые ведут его к истокам рождения в душе поэта чувства вечной красоты:

В горнице моей светло. Это от ночной звезды. Матушка возьмет ведро, Молча принесет воды...

Поэтический образ «зеленые цветы» служит другой цели: он помогает поэту глубоко осмыслить проблему взаимоотношений культуры и природы в жизни человека, которая волновала многих поэтов, так как цивилизация несет человечеству нередко печальные плоды: презрев душу, человек все

больше доверяется уму. Это отметил еще А.С. Пушкин, у которого Фауст произносит:

В глубоком знанье жизни нет, Я проклял знаний ложный свет.

Сущность противоречий между природой и культурой гениально выразил Φ .И. Тютчев, поэзию которого очень любил Николай Рубцов:

Невозмутимый строй во всем, Созвучье полное в природе, Лишь в нашей призрачной свободе Разлад мы с нею сознаем.

Откуда, как разлад возник? И отчего же в общем хоре Душа не то поет, что море, И ропщет мысляций тростник.

(Ф. Тютчев. «Певучесть есть в морских волнах...»)

Несомненно, между метафорой Тютчева «мыслящий тростник» и поэтическим образом Рубцова «зеленые цветы» есть тонкая, едва уловимая связь.

Оба поэта свято верили в одушевленность природы, поэтому в их стихах она смотрит на человека живыми глазами цветов, «смеется, как младенец», поет с человеком в общем хоре. Но быстро увядает человек, и рано или поздно в его душе наступает такой момент, когда жизнь, сорвав последние листы молодости, начинает дарить ему грустное одиночество бессонных ночей. С этой минуты его постоянно начинает тревожить сознание духовной старости, которая хранит в своей памяти потускневшие впечатления прошлой жизни, гаснущие слова и чувства. Но вместе с тем в душе каждого человека живет надежда чеховских героев «встретить среди выжженной степи одинокий зеленый тополь», в тени которого можно осмыслить «шум и пыльные хвосты пройденных дорог» и, может быть, найти самое дорогое сердцу воспоминание, которое поможет распознать тайну предназначения собственной судьбы.

В творчестве Николая Рубцова поэтический образ «зеленые цветы» играет большую роль не только в раскрытии взаимоотношений природы и человека в общефилософским смысле, он помогает поэту глубже проникнуть в тайны поэтического творчества вообще и, в частности, осмыслить собственную судьбу.

Поэтический дар — это особое человеческое качество, которое позволяет поэту, благодаря чудодейственной творческой силе осуществить полнее, чем другие люди, свое предназначение на земле. Душа поэта никогда не отдыхает, она беспрерывно совершает какое-то дело и остается навеки непостижимой, она продолжает деяния Бога на Земле, так как поиски прекрасного не остановить никогда.

Светлый покой Опустился с небес

И посетил мою душу!
Светлый покой,
Простираясь окрест,
Воды объемлет и сушу...
О этот светлый
Покой-чародей!
Очарованием смелым
Сделай меж белых
Своих лебедей
Черного лебедя — белым!

(«На озере»)

Однако подлинный поэт не только должен видеть мир во всем его многообразии, он обязан быть по отношению к себе взыскательным художником: вершить расправу над самим собой, преследовать себя за всякое неверное деяние. Для этого ему еще надо быть прозорливым художником, в душе которого бьется пульс эпохи. Он должен уметь переживать остро чувство момента и одновременно оставаться личностью, неподвластной этому моменту, художником, которому важнее всего поэтический дар и общечеловеческие истины.

Именно таким прозорливым и самоотверженным художником предстает перед нами Николай Рубцов со страниц поэтического сборника «Зеленые цветы». Отыскивая «зеленые цветы» своей памяти, души, судьбы, он хочет осмыслить собственные заблуждения, ошибки, утраты, чтобы открыть для себя только одну истину: чему должна служить его поэзия в мире природы и души человеческой.

Лирический герой сборника «Зеленые цветы» близок по своему мироощущению А.С. Пушкину, который к утратам и ударам судьбы относился как к неотвратимости, для которого иногда момент истины был важнее самой истины. Стремление испить всю чашу бытия поднимает его над философией аскета, ведь для поэта самое главное — оставаться самим собой.

Осмысливая драматизм собственной судьбы, поэт ведет нас переулками памяти к нравственным истокам своего творчества. В сборнике нет стихов, где бы мы услышали пророчества поэта о своей посмертной судьбе, в них больше поэтических предчувствий:

Но Венера над бедным прудом Доведет и меня до могилы!

(«Венера»)

Когда толпа потянется за гробом, Ведь кто-то скажет: «Он сгорел... в труде».

(«В гостях»)

Принцип антитезы (противопоставления), положенный в основу сборника, позволяет нам почувствовать движение поэтического слова и души поэта, которая проходит один за другим круги прозрения.

Как часто судьба дарит нам яркие, на первый взгляд, очень красивые цветы, которые мы нередко принимаем за подлинные, живые, а зеленый, нераспустившийся цветок обходим стороной, забывая о том, что именно он откроет со временем нам тайну цветения и красоты. Но чтобы это понять, надо многое преодолеть: пройти «сквозь желтый свет гранитного города», «вдохнуть горький запах слякоти и тьмы», почувствовать «знобящую осеннюю стужу» и, преодолев «грязные ступени», выйти «к зарослям пасмурных ив», к «тихому светлому покою чистой веселой зимы», которая будет шептаться с ветром, а этот шепот весной подарит буйную зелень трав и деревьев. Лирический герой поэзии Николая Рубцова проходит именно этот путь. Мы следуем за ним, погружаясь в мир призрачных цветов его судьбы, где он чувствует себя потерянным, одиноким среди «сияющих люстр», «звеняшего хрусталя» («Свидание»). Внутренняя ирония чувствуется за каждым словом поэта:

Мы входим в зал Без всякого искусства. А здесь искусством, Видно, дорожат.

Дорожат, но каким искусством?

Швейцар блистает
Золотом и лоском,
Официант Испытанным умом,
А наш сосед Шикарной папироской...
Чего ж еще?
Мы славно отдохнем!

А рядом женщина, в глазах которой «восторг и упоение» этим призрачным счастьем, призрачными цветами судьбы. Но счастлив ли среди всего этого лирический герой?

Чего ж еще?..
С чего бы это снова,
Встречая тихо
Ласку ваших рук,
За светлой рюмкой
Пунша золотого
Я глубоко
Задумываюсь вдруг?..

Наверное, не случайно в сборнике рядом с этим стихотворением находится поэтический этюд «Ферапонтово», в котором возникает образ вечной красоты, созданный деяниями «небесно-земных» творцов: зодчего Ферапонта и иконописца Дионисия, душа которых продолжает жить в неподвижных деревьях, в белеющих во мгле ромашках. И все это увидел поэт, которому важнее всего понять, по каким законам живет душа подлинного художника-творца.

Но поэт, в душе которого живет центробежная энергия, основанная на желании познать мир, не может постоянно пребывать в царстве вечной красоты. Печальнее всего внутреннее оцепенение души творца. Призрак мертвой души поэта пугал даже А.С. Пушкина, и он молился своему таланту, источнику вечной жизни.

Не дай остыть душе поэта, Ожесточиться, очерстветь И, наконец, окаменеть В мертвящем упоеньи света.

Этот призыв внутренне близок каждому поэту. Николай Рубцов с большим мастерством раскрывает его в поэтической жанровой зарисовке «В гостях», где он с болью, как и в стихотворении «Последняя осень», пишет о «гаснущей лире поэта». Как часто гибнет поэт, который отчаянно далек от своей родины, когда не может выбраться из «трущобного двора» или «золотой клетки» Петербурга. Здесь мир окутан призраками туманов и миражей, «какой-то общей нервной системой», где «все торчит»: «в дверях торчит сосед, торчат за ним разбуженные тетки, торчат слова, торчит бутылка водки, торчит в окне бессмысленный рассвет». Обращаясь к поэту, который перестал бороться с судьбой, перестал верить в свой талант, Николай Рубцов пишет:

Твоя судьба Не менее сурова -Вот так же высекать Огонь из слова.

Нелегко добывать огонь из камня, «по искре высекая пламя», но именно таким нелегким ремеслом должен заниматься поэт, чтобы зажечь сердца своих современников и потомков.

В письме к неизвестному поэту Н. Рубцов писал: «Тема любви, смерти, радости, страдания – тоже темы старые и очень старые, но я абсолютно за них!.. Хорошо, когда поэт способен откликаться на повседневные значительные события жизни и общества. Но надо сначала своими стихами убедить людей в том, что Вы поэт..., а потом уже откликаться на эти значительные события... Поэзия идет от сердца, от души, только от них, а не от ума, умных людей много, а вот поэтов мало! Душа и сердце – вот что должно выбирать темы для стихов, а не голова».

Куда же ведет нас в сборнике «Зеленые цветы» сердце поэта? К тем местам, где он слышал шепот любви, где могилы отца и матери, где желтый листопад, к «чистым окнам больничных палат», над которыми «выткан весь из пурпуровых перьев для кого-то последний закат», где сам поэт «в светлый вечер под музыку Грига в тихой роще больничных берез» готов умереть «без крика», «без слез».

Через душу природы к поэту возвращаются и «зеленые цветы» его любви: она – совсем еще ребенок, который живет в этом мире «играя и шутя», он – человек, который «в жизни знает слишком много», поэтому с ней наедине ему «нелегко и одиноко». Он по-хорошему завилует ей: она

полна желания увидеть мир в его первозданной красоте, а ему бесконечные вопросы холодного ума мешают погрузиться в этот мир до конца.

Возвращение к детской чистоте восприятия нравственного чувства и красоты – это главное желание поэта. Последние стихи сборника проникнуты оптимистическим утверждением красоты земли, неба и верой художника слова в действенную силу этой красоты.

Постепенно весь простор русской земли наполняется воздухом, светом, красками заката, летящими стаями птиц, оглашается их криком и «чудным пением детского хора» – все это раскрывает общее ощущение устремленности поэзии Н. Рубцова ввысь, «к небесам возбужденной души». И нужно ли поэту бесконечно задавать себе и другим вопрос: «О чем писать?» Важно, чтобы в поэзии не было фальши, бумажных цветов, чтобы свой творческий потенциал поэт черпал из вечной одухотворенной природы, из собственной души, живущей по законам правды и человеческого чувства.

Светлеет грусть, когда цветут цветы, Когда брожу я многоцветным лугом Один или с хорошим давним другом, Который сам не терпит суеты.

За нами шум и пыльные хвосты -Все улеглось! Одно осталось ясно -Что мир устроен грозно и прекрасно, Что легче там, где поле и цветы.

Уходят из нашей памяти «зеленые цветы» детства и юности, но мы возвращаемся к ним снова и снова, так как невидимые струны души поэта соединяют нас всех в одно многострадальное и терпеливое сердце, даруя тайную свободу духа, надежду и мечту о счастье.

Когда-то Лев Толстой искал со своими братьями зеленую палочку счастья, чтобы сделать счастливыми всех людей на земле. Николай Рубцов искал «зеленые цветы», которые бы открыли ему тайну творческой силы художника. Вряд ли в наш прагматический век эти желания и стремления будут понятны тем, кому не дает покоя стихия национальной духовности русского народа, кто заражен вирусом эгоизма, кто сквозь европеизированные стекла очков продолжает видеть в русских людях не соборность души, а желание «собираться в толпу», тем, кого раздражает сам факт русского подвижничества, который они склонны считать «непотопляемым и неразумным романтизмом».

Сегодня в судьбе России наступило тревожное время, когда апатия и нравственная глухота значительной части нашего общества становится непреложным фактом. Всем, кто дорожит ее будущим, нужно избавляться от иллюзий, что русская культура сама по себе справится с разрушительной силой бездуховности. Каждый из нас сегодня отвечает за ее судьбу, и поэтому очень важно, чтобы не утратило свою силу простое человеческое слово, тихое, негромкое, но проникающее в нашу душу. Особенно проникновенно вслушиваемся мы в поэтическое слово Николая Рубцова, так как видим в его поэзии дорогие сердцу приметы России, радость и тревогу за ее судьбу, за судьбу всей Земли.

Боюсь, что над нами не будет таинственной силы, Что, выплыв на лодке, повсюду достану шестом, Что, все понимая, без грусти пойду до могилы... Отчизна и воля - останься, мое божество!

Когда в жизни поэта появлялись грустные раздумья о своей судьбе, он думал о цветах:

Отложу свою скудную пицу И отправлюсь на вечный покой. Пусть меня еще любят и ищут Над моей одинокой рекой.

Пусть еще всевозможное благо Обещают на той стороне. Не купить мне избу над оврагом И цветы не выращивать мне...

Однако яркий поэтический образ «зеленых цветов», рожденный его поэзией, продолжает свою судьбу в стихах современных поэтов.

Генналий Мальцев пишет:

Твоих стихов лепная вязь,
По мне, созвучна плачу скрипки.
Их с миром связь не порвалась,
Хотя ты там, где сумрак зыбкий.
Им изначально суждено
Большой души стать в мир оконцем,
Как миротворно сквозь пего
Любви проглядывало солнце.
Твои зеленые цветы
Цветут в сердцах судьбе на зависть.
За фамильярный тон прости
Мы с Вами даже не встречались.

Однажды холодным январским утром я стояла на Волковском кладбише у могилы композитора Валерия Гаврилина и размышляла о том, что привело его перед самой смертью к рубцовской поэзии. Оба они ушли из жизни в январе, не дождавшись «гула весенних зачатий», крика журавлей, пасхального перезвона колоколов, но оставили нам звуки и краски Руси, которыми теперь живет наша душа. Все, что создано ими, дышит ощушением простора русской земли, покрытой то белым снегом, то ковром из цветов и трав. Беспредельный океан света, звездное небо, одинокий крест над обрывом – это музыка их души.

Бери себя за руку и легкой поступью судьбы иди ей навстречу, и ты найдешь цветы России, подаренные нам великим художником слова – Николаем Рубцовым!

ЖУРАВЛИ

Журавли! Ни один поэт России не обращался так часто к образу журавлей в своих стихах и песнях, как Николай Михайлович Рубцов. Услышав это заветное слово, каждый русский человек, как бы поневоле ищет в высоком небе летящий птичий клин.

Журавли – пока еще непризнанный всецело символ России, символ грусти, полета к цели, свободы, независимости, равенства, душевного успокоения.

Много есть светлых русских символов на исторической Руси. Это древо жизни, вышитое орнаментом на полотенцах, что впервые выявил Сергей Есенин в философском трактате «Ключи Марии». Это – славянская богиня Берегиня, получившая после принятия Русью византийского христианства имя Владычицы Небесной, о чем писал русский литературовед Валерий Дементьев. Это – лебедь как символ гордости, святости и чистоты человеческих отношений. Это – цветущие луга и пашни, светлые березовые леса, прозрачные реки и озера. Это – ангелы, сопровождающие добрых людей по жизни.

Много есть и темных символов на исторической Руси. Это – слуги дьявола в виде алчных и злых людей. Это – хищные звери: волки, преследующие людей, хитрые лисы, обворовывающие крестьянские дома, рыси, змеи и другие. Это – недобрые явления природы: темные дремучие леса, тучи, ураганы, омуты, темная дождливая ночь, метели и другое.

Сергей Есенин в трактате «Ключи Марии» писал: «Существо творчества в образах разделяется так же, как существо человека, на три вида: душа, плоть и разум. Образ от плоти можно назвать «заставочным» (метафорическим – авт.), образ от духа «корабельным» (плывущим –авт.), а третий образ от разума – ангелическим (преобразующим «заставочный» и «корабельный» образы – авт.).

К образу-символу стаи журавлей постепенно-постепенно приближались известные русские поэты.

Ф.И. Тютчев (1803-1873 гг.) писал в стихотворении «Вечер»:

Как тихо веет над долиной Далекий колокольный звон, Как шум от стаи журавлиной, -И в звучных листьях замер он.

А.А. Фет (1820-1892 гг.) – «сын севера», как он признавался в одном из стихотворений, очень остро чувствовавший природу, глубоко заглянул в небо, увидел звезды и журавлей. Уже в 1842 году поэт пишет:

Слышишь ли ты, как шумит вверху угловатое стадо? С криком летят через дом к теплым полям журавли, Желтые листья шумят, в березнике свищет синица, Ты говоришь, что опять теплой дождемся весны...

В другом стихотворении в 1954 году А.А. Фет говорит о весенних журавлях:

Но возрожденья весть живая Уж есть в пролетных журавлях...

А.А. Блок (1880-1921 гг.) в стихотворении «Осенний день» в 1909 году пишет:

Овин расстелет низкий дым, И долго под овином Мы взором пристальным следим За летом журавлиным... Летят, летят косым углом, Вожак звенит и плачет... О чем звенит, о чем, о чем? Что плач осенний значит?

Судя по этой части стихотворения, у А. Блока нет ответа о смысле лета журавлиной стаи.

Не просмотрел журавлей и С. Есенин (1895-1925 гг.):

Отговорила роща золотая Березовым веселым языком, И журавли, печально пролетая, Уж не жалеют больше ни о ком.

С. Есенин, вольно или невольно, попытался дать ответ А. Блоку на его вопрос о смысле плача журавлей. Но даже Есенин с его абсолютным эстетическим вкусом триединства образа, судя по смыслу стихотворения, увел журавлей от сострадания к людским судьбам.

Однажды и известный русский поэт Е. Исаев взглянул на окружающий мир и сказал:

Как синим полотенцем,
По глазам —
И мир открыл я!
Мир!
И поземельный
И падземельный
С множеством чудес —
С лохматым псом,
С бадейкой журавельной
И журавлиной музыкой с небес.

Вологодская поэтесса О. Фокина в одном из своих стихотворений с эпиграфом из Н. Рубцова «Не купить мне избу над оврагом...» пишет:

Всякая дикая птица – Сокол, журавль, соловей – Больше, чем смерти боится – Знаю! – неволи своей В 50-е годы XX века популярной была песня «Осенние журавли». Вот фрагмент этой песни:

Вот все ближе они и все громче рыдают, Словно горькую весть мне они принесли. Так скажите же вы, из какого вы края Прилетели сюда на ночлег, журавли.

Рубцов, очевидно, знал эту народную песню. Ее пели в русских семьях после войны по всей России. В том числе, в московских дворах, которые тогда образовывали двух- и трехэтажные дома вокруг Садового кольца и где гоняли голубей и даже играли в футбол, разбивая стекла первых и вторых этажей. Эта песня не оставляет равнодушными русских людей и в настоящее время.

В 1955 году в стихотворении, посвященном другу юности Белякову из поселка Приютино Ленинградской области и в связи с услышанной от него песней, Рубцов впервые упоминает журавлей:

И дубы вековые над нами Оживленно листвою трясли. И со струн под твоими руками Улетали на юг журавли...

В другом раннем стихотворении «Любовь» (1957-1958 гг.) Н. Рубцов пишет:

Я брожу по дороге пустынной. Вечер звездный, красивый такой. Я один. А в лугу журавлином Мой товарищ гуляет с тобой.

В стихотворении «У сгнившей лесной избушки» (1964 г.) Рубцов снова упоминает журавлей:

Летят журавли высоко Под куполом светлых небес, И лодка, шурша осокой, Плывет по каналу в лес.

В удивительной по силе воздействия на слушателей песне «В минуты музыки» (1966 г.) Николай Рубцов вновь использует образ журавлей:

В минуты музыки печальной Я представляю желтый плес, И голос женщины прощальный, И шум порывистых берез,

И первый снег под небом серым Среди погаснувших полей, И путь без солнца, путь без веры Гонимых снегом журавлей...

В проникновенном стихотворении «Купавы» (1967 г.) Рубцов пишет:

Как далеко дороги пролегли! Как широко раскинулись угодья! Как высоко над зыбким половодьем Без остановки мчатся журавли!

В лучах весны — зови иль не зови! -Они кричат все радостней, все ближе... Вот снова игры юности, любви Я вижу здесь... но прежних не увижу.

Рубцов пишет, конечно, не думая о будущем анализе своей поэзии. Он ведет описание видимой картины весны, полета весенних журавлей, которых не остановить, как жизнь, как движение. Человек-наблюдатель, каково бы ни было твое желание, не в силах прервать журавлиный полет.

О связи с родной землей, журавлями поэт в стихотворении «Посвящение другу» (1968 г.) сказал:

> Не порвать мне мучительной связи С долгой осенью нашей земли, С деревцом у сырой коновязи, С журавлями в холодной дали...

Это уже другая картина. Кажется, видна обыкновенная констатация эпизода и фотография момента, а на деле – светлые мазки художника. Многие друзья поэта и исследователи отмечали обманчивую простоту поэзии Николая Рубцова.

И вот подходим к шедевру – стихотворению «Журавли» (август 1964 г.), написанным Рубцовым в селе Никольском Тотемского района Вологодской области, на малой родине поэта. В октябре 1965 г. оно было опубликовано, а затем вошло в сборник «Звезда полей».

Меж болотных стволов красовался восток огнеликий...
Вот наступит октябрь - и покажутся вдруг журавли!
И разбудят меня, позовут журавлиные крики
Над моим чердаком, над болотом, забытым вдали...

Первое четверостишие – картина природы, наблюдаемая автором, и вступление к ожидаемому появлению журавлей. И реакцию самого автора – «И разбудят меня, позовут журавлиные крики» - следует понимать в переносном смысле: разбудят спящую часть души! Следует отметить, что Рубцов – мастер двойного смысла текста, но подтекст рассчитан на сопереживание читателя, а не на проявление эгоистического или животного инстинкта, как это видно у многих поэтов – «технарей» рифмы и ритма.

Широко на Руси предназначенный срок увяданья Возвещают они, как сказание древних страниц. Все, что есть на душе, до конца выражает рыданье И высокий полет этих гордых прославленных птиц.

Во втором четверостишии Николай Рубцов фактически отвечает на вопрос А. Блока: о чем звенят и плачут журавли:

Широко на Руси машут птицам согласные руки. И забытость болот, и утраты знобящих полей — Это выразят все, как сказанье, небесные звуки, Далеко разгласит улетающий плач журавлей...

В третьем четверостишьи Рубцов полностью соединяет летящих журавлей и оставшихся на грешной земле людей. В небе летят души ушедших предков и будущие надежды живущих, улетающий плач журавлей выражает все радости и горести покидаемых полей.

Вот летят, вот летят... Отворите скорее ворота! Выходите скорей, чтоб взглянуть на высоких своих! Вот замолкли – и вновь сиротеет душа и природа Оттого, что – молчи! – так никто уж не выразит их...

И здесь Рубцов обращается к людям: выходите, не пропустите летящие души родителей, братьев и сестер, всех ушедших! И далее поэт, предупреждая какое-либо немудрое высказывание о журавлях, говорит стоящему рядом собеседнику: «Молчи!»

Николай Рубцов, как и многие до него, заглянул в небо, но заглянул глубже своих предшественников. Поэт первым показал непрерывность лета журавлей, раскрыл образ-символ летящей стаи журавлей как летящих родственных душ.

О необычности стихотворения «Журавли» и необходимости его глубокого прочтения впервые высказался литературовед В.Н. Бараков, и если следовать концепции С. Есенина, то можно определить, что образ журавлей отвечает триединству видов творчества: «заставочному», «корабельному» и «ангелическому».

Проведенный анализ заложенной идеи стихотворения «Журавли» показывает, что образ-символ журавлей может стать одним из базовых светлых духовных символов России, возрождающейся от атеизма, тотального материализма и поднимающегося эгоцентризма.

В.Н. Бараков в 1993 году отметил, что «в творчестве Рубцова отразилось то переходное сознание, которое свойственно сейчас большинству русских: тяжелое расставание с атеизмом и медленный путь через искушения язычества к православной религии». Рубцов и в этом опередил свое время: «Боюсь, что над нами не будет возвышенной (другой вариант – «таинственной») силы». Это уже – из стихотворения-завещания «Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны...»

Стихотворение «Журавли» стало песней. Ее исполняют и барды, и профессиональные певцы. Она звучит в художественном фильме «Змеелов». Песня – пророчество...

Совсем недавно мною была обнаружена публикация стихотворения В. Сорокина (2000 г.) о погибших журавлях:

За морозом – ветер и метели, По селу и городу прошли. Вот летели и не долетели
До России нашей журавли.
В тьму попали, в холода попали,
До сих пор я вижу, до сих пор,
Как с небес по одному упали
В синий леденеющий простор.

Чтобы вечно властвовать над нами, В святости, не зная кандалов, Где упали, вспыхивает пламя, Золотее новых куполов. На колени встанем перед Богом, Господи, мы просим не о многом: Пощади летящих журавлей!

Бедные не платят за богатых, На врагов не плачутся враги. Сбереги влюбленных и крылатых И не предающих сбереги! В мире ужас воцарится тихо, Там и тут безлунье, там и тут, Если журавель и журавлиха — Две последних песни - упадут.

Да! Аналогичные мысли и сопереживания о судьбах людей и судьбах наших братьев и сестер, летящих в небе, встречаются неожиданно. Как известно, идеи витают в воздухе!

Русские люди! Посмотрите в небо! Взгляните на «высоких своих»! Об этом просил Николай Михайлович Рубцов.

2001 г.

Ф.И. ТЮТЧЕВ И Н.М. РУБЦОВ

Почему Николай Михайлович Рубцов до самой смерти не расставался с томиком Ф.И. Тютчева? Попробуем на основании рецензий, откликов поэтов и писателей, а также анализа отдельных стихов Тютчева и Рубцова ответить на этот вопрос.

Наверняка, не я первая над ним задумалась. Но отсутствие каких-либо печатных материалов говорит то ли о боязни заниматься им (а вдруг придешь к неожиданному выводу), то ли о предвзятом отношении к поэзии Рубцова и к самому поэту (никак некоторые не желают сознавать: Николай Рубцов — великий поэт, которого любит простой народ). Но я рискнула проанализировать, сравнить художественный мир Ф.И. Тютчева и Н.М. Рубцова и не жалею об этом.

Ф. Тютчев писал:

Но Смерть честней – чужда лицеприятью, Не тронута ничем, не смущена, Смиренную и ропцущую братью – Своей косой равняет всех она.

Свет не таков: борьбы, разноголосья— Ревнивый властелин— не терпит он, Не косит сплошь, но лучшие колосья Нередко с корнем вырывает он.

(«Две силы есть – две роковые силы ...»)

Эти строчки подчеркивают скромность Ф. Тютчева. А Николай Рубцов, наоборот, в своей похвале был нескромен:

Мое слово верное прозвенит! Буду я, наверное, знаменит! Мне поставят памятник на селе!

(«Мое слово верное...»)

И все-таки, должно же быть что-то такое, что связывало бы Николая Рубцова с Федором Тютчевым. Но что? Листаю сборник стихов Тютчева. Вчитыва-юсь. И наталкиваюсь на такие строчки:

И гам, и трепетанье крыл? Кто этот гвалт безумно дикий Так неуместно возбудил?

Оказывается:

He nec, а бес четвероногий, Бес, обернувшийся во nca,

В порыве буйства, для забавы, Самоуверенный нахал, Смутил покой их величавый И их размыкал, разогнал!

Разъясняет:

Да, тут есть цепь! В ленивом стаде Замечен страниный был застой, И нужен стал, прогресса ради, Внезапный натиск роковой. И подводит итог:

Так современных проявлений Смысл иногда и бестолков, -Но тот же современный гений Всегда их выяснить готов.

(«В деревне»)

Вот она, та двусмысленность, которая характерна для рубцовских стихов. Не у Тютчева ли Н. Рубцов учился придавать своим стихам ту глубину, которая трогает нас, изумляет и побеждает. Вот только Ф. Тютчев в конце стихотворения поясняет свою двусмысленность:

Иной, ты скажешь, просто лает, А он свершает высший долг — Он, осмысляя, развивает Утиный и гусиный толк.

А Н. Рубцов – нет, не поясняет, а предоставляет это право читателю. Хотя кое-какие предложения для выводов он все-таки нам оставляет. Интересны в этом отношении стихотворения «Поезд» и «На автотрассе».

Поезд мчался с прежним напряженьем Мощных сил, уму непостижимых, Перед самым, может быть, крушеньем, Посреди миров несокрушимых.

(«Поезд»)

Речь идет вроде бы о простом поезде, но последние две строчки подчеркивают, что это далеко не так. И убеждаемся в своих догадках, когда дочитываем:

Но довольно! Быстрое движение Все смелее в мире год от году. И какое может быть крушенье, Если столько в поезде народу?

Что мы ощущаем? Наверное, Николай Рубцов нашу страну, Россию, точнее, в его время Советский Союз, сравнивал с поездом, который потерпит крушение, и поэт боялся своего предвидения: ведь столько народу!

Скорее всего, поэтому и не делает окончательного вывода. И, удивительное дело, эта мысль его не отпускает, она с новой силой появляется, на первый взгляд, в незатейливом стихотворении «На автотрассе».

За мною захлопнулась дверца, И было всю ночь напролет Так жутко и радостно сердцу, Что все мы несемся вперед.

Что все мы почти под кюветом Несемся куда-то стрелой, И есть соответствие в этом С характером жизни самой!

Ф. Тютчев в стихотворении «PROBLEME» пишет:

С горы скатившись, камень лег в долине. Как он упал? Никто не знает ныне — Сорвался ль он с вершины сам собой, Иль был низринут волею чужой? Столетье за столетьем пронеслося: Никто еще не разрешил вопрос.

Что-то не верится, что поэт здесь имел в виду простой камень, без подтекста. Скорее всего, речь идет о судьбе человека-гения.

Интересно, на мой взгляд, и другое стихотворение:

Какое дикое ущелье!
Ко мне навстречу ключ бежит —
Он в дол спешит на новоселье...
Я лезу вверх, где ель стоит.
Вот взобрался я на вершину.
Сижу здесь, радостен и тих...
Ты к людям, ключ, спешишь в долину.
Попробуй, каково у них!

Вроде бы не досказано, а вроде бы и добавить нечего. Посмотрим, что о его стихах говорит И.С. Тургенев: «Каждое стихотворение Тютчева начинается мыслью, которая вспыхивает под влиянием глубокого чувства или сильного впечатления, а затем сливается с образом, взятым из мира души или природы. Он не думает ни щеголять своим ощущением перед другими, ни играть с ним перед самим собой. Поэзия Тютчева искренняя, серьезная. Чувство природы в нем необыкновенно тонко, живо и верно».

А.А. Фет пишет: «У одного мысль выдвигается на первый план, у другого непосредственно за образом носится чувство, и за чувством уже светится мысль... Мы же укажем на другие творческие натуры, у которых при первом взгляде на предмет ярко загорается мысль и выступает на первый план, или непосредственно на второй, сливаясь с

чувством или отодвигая его в глубину перспективы. К таким художникам принадлежит господин Тютчев.

Как над горячею золой Дымится свиток и сгорает, И огнь, сокрытый и глухой, Слова и строки пожирает.

Так грустно тлится жизнь моя, И с каждым днем уходит дымом;

О небо! Если бы хоть раз Сей пламень развился по воле, И, не томясь, не мучась доле, Я просиял бы — и погас!

Первое слово: «как», управляющее всем куплетом, доказывает, что процесс горения, так мощно и тонко обрисованный, – один предлог высказать задушевную мысль».

А мысль, на наш взгляд, заключается в желании поэта «просиять» хотя бы раз, если даже придется, как и огню, погаснуть. Единство мысли и чувства – вот что нравилось Рубцову в стихах Тютчева.

- И.С. Аксаков писал: «Его ум сверкал иронией, его душа ныла... Он ничего не выдумывал, а только выражался».
- В. Соловьев вспоминал: «При знакомстве с Тютчевым прежде всего бросается в глаза созвучие его вдохновения с жизнью природы совершенное воспроизведение им физических явлений как состояний и действий живой души... Он вполне и сознательно верил в то, что чувствовал».
- А.Г. Горнфельд удивлялся: «Так проникнуться физическим самоошущением, чтобы почувствовать себя неотделимою частью природы, вот что удалось Тютчеву более чем кому-либо. Этим чувством и питаются его замечательные «описания природы, или, вернее, ее отражения в душе поэта».

Лениво дышит полдень мглистый, Лениво катится река, И в тверди пламенной и чистой Лениво тают облака.

И всю природу, как туман, Дремота жаркая объемлет, И сам теперь великий Пан В пещере нимф покойно дремлет.

(«Полдень»)

Это стихотворение дает ясное представление о воззрении поэта на сущность индивидуальности... По склону речных вод, вновь оживших весною, плывут друг за другом льдины: они кажутся разнообразными; одни блистают радужно на солнце, другие проходят мимо нас в ночной темноте. Но судьба их одна:

Все вместе - малые, большие, Утратив прежний образ свой, Все – безразличны, как стихия, -Сольются с бездной роковой!..

Во что было для Тютчева образом человеческой личности:

О, нашей мысли, обольщенье Ты – человеческое Я. Не таково ль твое значенье, Не такова ль судьба твоя?

Ограниченности личности соответствует... ограниченность стремления человеческой мысли. Прообразом этого тщетного стремления является для поэта струя фонтана, бьющая вверх и неизменно падающая на землю:

> О смертной мысли водомет, О водомет неистошимый! Каков закон непостижимый Тебя стремит, тебя мятет? Как жадно к небу рвешься ты!.. Но длань незримо - роковая, Твой луч упорно преломляя, Свергает в брызгах с высоты.

... Двойственность – такой ясный всеобъемлющий символ всего его творчества».

В.Я. Брюсов утверждает: «Для него человек перед природой - это «сирота бездомный», «немощный» и «голый»... Скорее он склонен видеть в человеке случайное порождение природы... И Тютчев не мог не задавать себе вопроса, доступно ли человеку «слиться с беспредельным».

В воспоминаниях поэта Станислава Куняева, который подарил Н. Рубцову книжку стихотворений Тютчева, читаем: «Состояние его души сливается с родной природой, с преданиями родины, с атмосферой ее бытия, и это слияние образует удивительный мир, в меру условный (но в меру существующий). Лирический поэт пишет стихотворение, когда какое-то впечатление от жизни нарушило его нетворческий покой, пишет для того, чтоб усилием сердца при помощи творчества вернуть утраченное равновесие».

И вот я наталкиваюсь на воспоминания Василия Елесина: «За столом завязалась беседа. Вот тогда-то я и сказал неосторожно, что современные поэты недостаточно социальны.

- А ты знаешь, что такое поэзия?! - бросился в атаку Рубцов. - Разве можно поэту дать задание: будь социальным! Души, таланта в стихах не будет...

И продолжал:

- Ты можешь сделать так, чтобы сейчас подул ветер? Нет? Так что же ты хочешь от поэзии? Она стихийна! Кто работает по заказу, тот не поэт – ремесленник! Поэзия - буря, а мы только инструменты ее...»

И Василий Елесин дарит Николаю Рубцову томик стихов Ф.И. Тютчева, чему Рубцов обрадовался, но грустно сказал: «Знаешь, может быть, лучше не дарить? Я все равно его потеряю, а терять Тютчева – жаль».

Ф.И. Тютчев задавался вопросом о слиянии с «беспредельным». А Рубцов?.. Александр Романов об этом писал: «Во время встреч с Рубцовым я понял, что у человека могут быть одновременно как бы два слуха, два зрения, два потока существования — верхний и глубинный. Они не совпадают друг с другом. Верхний поток несет обыденность, а глубинный — истинность жизни. Рубцов был из «глубинных». Не случайно он обронил: «Я растворен в окружавшей природе: в белых облаках, в солнечных бликах, в золотом кружении леса. Он очутился наедине с природой. Наедине — значит слитно. Он был уже как бы не он, а рассеянный свет. Вот счастливый миг полного единения души с лесом, водой и небом — со всем мирозданьем!

Впоследствии мы прочитали такие его строки:

Я так люблю осенний лес,
Над ним сияние небес,
Что я хотел бы превратиться
Или в багряный тихий лист,
Иль в дождевой веселый свист...»

Нет, Н. Рубцов не подражал Ф. Тютчеву, он создал свою рубцовскую поэзию, учась у Тютчева лиричности, глубине стиха. Он не подражал, он соизмерял свои силы с силами великих, стремился проверить собственные возможности. Не об этом ли писал он, видимо, еще не вполне удовлетворенный достигнутым:

Но я у Тютчева и Фета Проверю искреннее слово, Чтоб книгу Тютчева и Фета Продолжить книгою Рубцова!..

Гордо, честно, с осознанием своих сил сказано это. «Остро и непривычно ощущал Николай Рубцов себя не просто человеком, а частицей мирозданья...» – писал В. Степанов. Не поэтому ли по стихам Н. Рубцова можно почувствовать состояние его души, а, почувствовав, невозможно не сопереживать?

Мария Корякина вспоминает: «Рубцов утверждал, что у каждого поэта обязательно есть стихи — пусть хоть одно — мудрые, пророческие, и что все поэты — пророки. И тут же, как пример, приводил своего любимого Тютчева: что писал он сто лет назад, и уже — о нас, о жизни, о человеке, о судьбе его; писал так, что читаешь сейчас, и душа заходится от восторга, глубины и высочайшего мастерства, и еще... Он раскрыл книгу стихов Тютчева:

Есть и в моем страдальческом застое Часы и дни ужаснее других... Их тяжкий гнет, их бремя роковое Не выскажет, не выдержит мой стих...

Рубцов читал стихи медленно, членораздельно, как бы подчеркивал весь глубокий смысл, вложенный поэтом в каждое слово.

Дни сочтены, утрат не перечесть, Живая жизнь давно уж позади; Передового нет, и я, как есть, На роковой стою очереди...

В своих же стихах он однажды скажет:

О, моя жизнь! На душе не проходит волненье... Нет, не кляну я мелькнувшую мимо удачу, Нет, не жалею, что скоро пройдут пароходы. Что ж я стою у размытой дороги и плачу? Плачу о том, что прошли мои лучшие годы».

Что это? Совпадение мысли? Может быть. Но мне кажется, что и Тютчев и Рубцов в равной степени владели языком природы — «инстинкт пророческий — слепой». А в приведенных выше строчках двух великих поэтов подтверждение слов, написанных Тютчевым 26 июля 1858 года своей жене Эрнестине Федоровне в письме: «Никто, я думаю, не ощущал больше, чем я, свое ничтожество перед лицом этих двух деспотов и тиранов человечества: времени и пространства».

Мы гордимся тем, что имеем лирику Тютчева и лирику Рубцова. Их поэзия не принадлежит к области того, о чем они говорят в своих стихах, что осязаемо, а относится к гораздо более глубокому пласту: к тому, как они видят и ощущают мир. Их лирика почти всегда инспирируется моментальным впечатлением, острым личным переживанием. Николай Рубцов тянулся к поэзии Тютчева, изучал ее, так как чувствовал родство своей души с его душой.

Слияние с природой, отражение ее в своей душе, двусмысленность и глубина – вот что объединяет двух поэтов – Ф.И. Тютчева и Н.М. Рубцова, которых разделяло более века.

2001 z.

«СУДЬБЫ СКРЕЩЕНЬЕ»

(Николай Рубцов и Хазби Дзаболов)

Н.М. Рубцов известен как талантливый поэт, создавший немало поэтических шедевров. Также во многих сборниках его произведений, в том числе и в собрании сочинений можно увидеть: «Переводы. Хазби Дзаболов. С осетинского». Это натолкнуло меня на ряд вопросов: как Н. Рубцов, не знавший иностранных языков, стал переводчиком, что за поэт Х. Дзаболов, какова его судьба, почему именно его стихи переводил Рубцов, как он отбирал их для переводов, что внес своего в переводимые произведения?

Знакомство с воспоминаниями Сергея Багрова, Льва Котюкова, Александра Брагина открыли для меня много интересного, а размышления над переведенными стихами помогли убедиться: даже в переводах Н. Рубцов не теряет своей художественной индивидуальности и неповторимости, делает переводимые стихи близкими и понятными человеку любой национальности.

Знакомство Николая Рубцова и осетинского поэта Хаэби Дзаболова состоялось во время их учебы в московском Литературном институте имени А.М. Горького. Поэт Лев Котюков вспоминает: «Скудные гонорары безысходно толкали многих из нас на переводческую стезю. Но в Литинституте зачастую русские писатели обращались к переводам «литературы народов СССР» совершенно бескорыстно. Мы переводили своих товарищей по курсу и семинару. Учились с нами прекрасные ребята из Белоруссии, Украины, Прибалтики, Дагестана. Рубцов тоже дружил с ребятами из республик, и они его любили, не раз выручали в трудную минуту... Одного поэта, осетинца Хазби Дзаболова, он выделил и перевел, кажется, пятнадцать его стихотворений». Действительно, Н. Рубцовым было переведено пятнадцать стихотворений Х. Дзаболова, которые впоследствии публиковались в разных изданиях.

Почему же именно Хазби Дзаболова переводил Николай Рубцов, ведь вокруг было столько товарищей-поэтов, нуждавшихся в хорошем переводчике?

На первый взгляд, Н. Рубцов и Х. Дзаболов даже внешне – совершенно разные люди. Никогда не живший обеспеченно, Рубцов выглядел и одевался более чем скромно. Писатель, журналист Василий Оботуров запомнил его таким: «В редакции Рубцов появлялся то в сером костюме, темной рубашке со светлосерым галстуком сплошными крохотными ромбиками, то, несколько поэже, в новом коричневом костюме в тонкую серую полоску и белой рубашке с зеленым галстуком. Ботинки и пальто поношенные, но аккуратно вычишенные, и пресловутый длинный шарфик не висел, как попало, а снимался вместе с пальто». А вот полноватый, широкий в плечах, в модном костюме при галстуке с брошью, Хазби оставлял впечатление преуспевающего студента, который жил и будет жить только благополучно.

И это неудивительно, ведь молодые поэты из республик получали всевозможные дотации от своих столичных представительств и республиканских писательских Союзов в отличие от своих русских собратьев. Рубцова же, как и многих русских студентов, «не шибко привечала тогдашняя вологодская писательская команда. И многих, многих других русских ребят пинками ласкала малая и большая родина», – с горечью констатирует Лев Котюков.

Но не только материально легче жилось студентам из республик. Редкий из них после каникул возвращался без книги, изданной на родном языке, а иногда и в русских переводах. Для молодого русского стихотворца в те годы была нелосягаемой мечтой собственная тоненькая книжечка.

В свои неполные 32 года у себя на родине Хазби Дзаболов считался уже едва ли не классиком осетинской литературы. Залогом тому была книга его стихов и публикаций в ряде журналов. У Рубцова же к этому времени вышел только машинописный сборник «Волны и скалы».

И тем не менее Николай Рубцов и Хазби Дзаболов нашли друг друга, выделив один другого из общего числа студентов. В своих воспоминаниях о Николае Рубцове Александр Брагин пишет: «Знакомство могло стать обычным, так, одним из многих. Но, думается мне, случился разговор, равный по откровению. Совпали минуты грусти по своей «малой родине» двух людей, далеких от нее. И точно весенние воды прорвали две плотины, и два потока прекрасных чувств слились. Потоки, возникшие из родников Вологодчины и горных рек Осетии».

Возможно, одной из причин, послуживших поводом для их дружбы и сотрудничества, стала личная симпатия друг к другу, сходство характеров, взглядов на жизнь и отношение к творчеству.

Василий Оботуров вспоминает: «Хамского пренебрежения Николай не терпел. Чем он вызывал раздражение людей определенного сорта, трудно сказать, то ли какой-то особой внутренней сосредоточенностью, то ли цепкостью быстрого взгляда, который был «не как у всех»... А между тем выглядел он скорее незаметно, чем вызывающе... Было обычным для него — не показаться назойливым... Фальши терпеть не мог, ложь угадывал сразу, утрачивал интерес к собеседнику. Возможно, поэтому ему так импонировала «тихая печальная улыбка Хазби». Как и сам Рубцов, «рядом с шумной ватагой поэтов Дзаболов выглядел незаметно. Однако в его незаметности проступала природная выдержка, доброта и радушие восточного человека, которому нравится угощать. И он угощал. «Дай, Бог!» — говорил он, поднимая стакан сухого вина, и всем было ясно, что щедрый Хазби в эти два мирных слова вкладывает любовь, желая всем, кого видел перед собой, благополучия и удачи».

Такое доброжелательное отношение к людям, искренность, светлый взгляд на мир, отсутствие стремления выделиться помогли подружиться вроде бы таким разным людям, а затем сумели помочь Н. Рубцову точно и глубоко постигнуть мир поэзии X. Дзаболова.

Помимо схожести взглядов на мир и характеров, удивляет и сходство судеб обоих поэтов.

Дзаболаты Хазби Дударикоевич родился в 1931 году в селении Ногхау Алагирского района Северо-Осетинской АССР.

> Село, где на чинаровом столбе Осталась моего рожденья дата., Зеленогрудое! Грущу я о тебе... –

пишет он о своей родине в стихотворении «Давно я не вставал по крику петухов».

Николай Михайлович Рубцов родился всего на пять лет позднее, в 1936 году, в небольшом поселке Емецк Архангельской области, а детство Тихая моя родина! Ивы, река, соловьи...

(«Тихая моя родина»)

Оба поэта рано начали самостоятельную жизнь. Оба сменили немало профессий. Но извилистый жизненный путь обоих привел к одному – к поэзии. И тот, и другой творили, не торопясь, понимая, что «прекрасное должно быть величаво». Дзаболов издал всего три книги стихов, Рубцов – четыре.

И еще одно совпадение – трагическое: дата смерти – роковое 19 января. Александр Брагин вспоминает: «Интересуюсь у осетин судьбой Дзаболова. Отвечают:

- Хазби умер.
- Kak?!
- Трагически погиб 19 января 1969 года. Прожил всего 37 лет».
- «Ушел он также неожиданно, как и пришел. Никто не помнит, ибо он пришел, как пахарь к весеннему полю, работать радостно и основательно», пишет о нем его друг, критик Нафти Джусойты.

Спустя ровно два года трагически оборвалась и жизнь Н. Рубцова. Весной 1971 года Виктор Астафьев писал: «В день сороковин мы, друзья и земляки поэта, собрались на кладбище. Под дощатой пирамидкой глубоко и тихо спал поэт, который так пронзительно умел любить свою землю, высоко петь о ней, а вот жизнью совсем не дорожил».

Так, уже после смерти Х. Дзаболова и Н. Рубцова их друзья отметили еще одну общую черту обоих поэтов: любовь и верность родной земле, стремление показать в своих стихах ее красоту и величие.

Горбоносый, В коротких штанишках., Он стоял у родного крыльца. И мечтал. увлеченный мальчишка, Что изведает мир до конца! Он мечтал и не ведал сомнений В том, что имя его прозвенит, Что везде И у всех поколений Будет подвиг его знаменит!.. Где же подвиг твой, гордый мальчишка? Где крылатая слава твоя?.. Горбоносый. В коротких штанишках., Это был... неужели не я?

Трудно постигнуть, кто написал эти строки: Дзаболов или Рубцов? Кто вложил в них трепещуще пылкую силу лирического огня? Это неведомо нам. Как неведомо также и то, почему Дзаболов погиб 19 января. Именно 19 января, в тот скорбный день, когда не станет с нами и Н. Рубцова.

Легко ли переводить стихи с одного языка на другой? На первый взгляд – просто. Переводи слова на другой язык, рифмуй, и стихотворение готово.

На самом деле все не так просто. Переводчик должен не только облечь разрозненные слова в поэтическую форму, но и донести мысль и красоту авторского текста, а, может быть, и вложить часть своей души, своего видения окружающего мира. Именно поэтому переводы таких великих поэтов как М. Лермонтова, В. Жуковского, Б. Пастернака, М. Цветаевой можно считать авторскими произведениями, как это произошло со стихотворением «На севере диком стоит одиноко» М. Лермонтова или балладой «Лесной царь» В. Жуковского.

То же самое можно сказать и о переводах Н. Рубцовым стихов X. Дзаболова. Что толкнуло его заняться этим? Может быть желание подзаработать? Ведь переводы, которые он делал для Дзаболова, были сделаны мастерски. Не было никакого сомнения: Рубцов – не новичок в переводах. Но все же из воспоминаний Льва Котюкова мы узнаем, что от переводов он, за редким исключением, уклонялся. Об этом говорят и те факты, что, по воспоминаниям Александра Брагина, «к Рубцову не единожды обращались с просьбой о переводе. Делала такую попытку и преподавательница французского языка Литинститута, у которой он учился:

– Коля, Вы перевели бы кого-нибудь. У Вас получится.

Рубцов ответил:

- Не могу. Душа не лежит».

А ведь переводами он мог легко обеспечить себе более-менее сносное существование.

Л. Котюков продолжает: «Но Рубцов не соблазнялся переводческой поденщиной, и если раньше мне думалось, что причиной тому его скитальчество и бытовая безалаберность, то теперь четко вижу – мудрость и трезвейший расчет. Сколько бы шедевров мы не досчитались, ежели бы занялся он поэтическим донорством! Может быть, вообще остался бы рядовым талантом, а не обратился бы в ярчайшее явление отечественной словесности.

Значит, заниматься переводами Рубцов стал не ради пропитания, а по другим причинам. Возможно, он переводил стихи именно Х. Дзаболова потому, что, как мы уже сказали, между обоими поэтами было много общего и в их судьбах, и в характерах, и в восприятии действительности, и в отношении к поэзии. поэтому от переводов этих стихов Рубцов получал удовольствие, ведь они были близки ему по духу.

Человек переносит любую беду,
Он сгорает в болезненном жарком бреду,
И заносит его обезумевший снег —
Все равно переносит беду человек!
Но как трудно, как трудно бывает тогда,
Если рядом случится чужая беда!

Если кто-то страдает у вас на виду, И, душой проникая в чужую беду, Вы не в силах пройти стороною и прочь, Но не в силах ничем человеку помочь!

(«Человек переносит любую беду...»)

Когда Сергей Багров прочитал это стихотворение, он спросил Рубцова: – Это ты написал?

– Хазби! – хохотнул Николай. – Я ему лишь помог срифмовать. И еще помогу! Вон их сколько! – Он раскрыл чемодан, взяв оттуда стопку листов, показав мне подстрочники, тут же их убрал. – Вот приеду в Николу – сразу за них и усядусь!»

Обратите внимание на «хохотнул». Нечасто в воспоминаниях Николай Рубцов представлен таким веселым, увлеченным, охваченным жаждой действий. И в то же время обычная скромность: всего лишь — «помог». Но ведь даже сам Хазби Дзаболов понимал, насколько велика роль Н. Рубцова в создании переводов.

Людмила Дзаболова, жена поэта, вспоминает: «Хазби из тех поэтов, которые плохо поддаются переводу, но переводам Николая Рубцова он всегда радовался, как своим удавшимся стихам. В них ярко выражен стиль и дух Хазби».

В одном из архивов хранится такое письмо Дзаболова Рубцову: «Коля, я тебя прошу, если это возможно, вышли, что перевел. Это мне очень нужно сейчас. Буду тебе очень благодарен. Жду. С самым задушевным приветом. Хазби». «Буду очень благодарен» – в этом весь Дзаболов. Просто «помог» – в этом весь Рубцов.

Письмо это, вероятно, было отправлено в Никольское, куда в 1964 году уехал Николай Рубцов. Как мы уже видели, он намеревался «усесться за переводы», но тяжелый чемодан пришлось оставить в Тотьме у С. Багрова, так как от Усть-Толшмы до Никольского нужно было идти двадцать пять километров пешком по грязной дороге. Потом Рубцов очень беспокоился, как бы доставить подстрочники стихов Дзаболова в Николу. В одном из писем С. Багрову он пишет: «Жаль, что Гета (из Николы) без твоего ведома взяла у тебя дома мой чемодан. Между прочим, я просил ее, чтобы она только подстрочники Хазби взяла из него...»

В декабре 1964 года Николай Рубцов возьмется за переводы. Стихи тогда у него писались хорошо – и свои, и Хазби Дзаболова.

В чем же причина того, что Рубцов с удовольствием занимался переводами? Возможно, дело в том, что он переводил их с подстрочников, с тех прозаических слов, которые помогли Х. Дзаболову выразить суть поэтического мироощущения. Поэтому перевод для Н. Рубцова становился не просто изложением чужой мысли, а творчеством, где он был волен выбирать, как эту мысль выразить. Неслучайно, так явственно в этих стихах звучат интонации, голос Рубцова, постоянно встречаются его излюбленные художественные приемы и средства. Одним словом, переводы стихов Х. Дзаболова можно считать отчасти стихами и самого Рубцова.

Посмотрим, что же неповторимое «рубцовское» можно увидеть в переводах стихов X. Дзаболова?

Возьмем, например, стихотворение «Общее горе», которое рассказывает о трагическом событии в жизни семьи: известие о гибели родного человека на войне.

В гнездах покинутых рылись вороны, И гибель носилась вокруг. В избе, где вручили листок похоронный, Рыданье послышалось вдруг! И все, кто услышал, тотчас зарыдали, Как листья осины одной, И всем представлялись холодные дали, Где муж или сын их родной...

Уже первая строчка «в гнездах покинутых рылись вороны» – своеобразная экспозиция – создает соответствующий настрой у читателя. Параллель с «покинутым гнездом» – «изба, где вручили листок похоронный». Рыданья убитых горем людей напоминают трепет «осины одной». Место гибели мужа или сына представляется «холодной далью». Заметьте, какие образы: вороны, изба, осина, холодная даль. Они создают представление о русской деревне, а вовсе не об осетинском горном селе. И когда видишь явно не русскую фамилию автора рядом с деталями северного пейзажа, невольно возникает мысль, что горе, испытываемое людьми при потере близких, – интернационально, оно не ведает границ. Даже само название стихотворения настраивает на это: общее горе, а не горе отдельного человека, семьи или народа.

Образы, которые использует Н. Рубцов для передачи мысли Х. Дзаболова, часто встречаются и в его собственных стихах, несут на себе постоянную смысловую нагрузку, являются своего рода символами. Так, например, образы птиц (ворона, журавли, воробей и др.), которые в поэзии Н. Рубцова появляются довольно часто, имеют несколько значений, а именно: а) свобода, счастье; б) судьба; в) память о прошлом и другие. А в этом стихотворении «Общее горе» птицы являются вестниками смерти. И в других:

Кружились птицы и кричали Во мраке тучи грозовой...

(«Старик»)

Хриплым криком
Тревожа гробницы,
Поднимаются,
Словно кресты,
Фантастически мрачные
Птицы,
Одинокие птицы пустынь.

(«В пустыне»)

Образ осины в стихах Николая Рубцова – это олицетворение печали, тоски, грусти.

Когда привычно Слышатся в лесу

Осин тоскливых Стоны и молипвы...

(«В сибирской деревне»)

Образ гнезда для Рубцова – символ дома, родины, места рождения. Недаром его «память возвращается, как птица, в то гнездо, в котором родилась» («Ось»).

Но в стихотворении «Общее горе» мы видим «гнезда покинутые», опустевшие, и это не случайно: ведь присутствие смерти, гибели чувствуется не только в отдельном месте, а везде – «и гибель носилась вокруг».

То же самое можно сказать и об образе избы, который является для Н. Рубцова символом добра, уюта, счастья.

> В горнице моей светло. Это от ночной звезды. Матушка возьмет ведро, Молча принесет воды...

> > («В горнице»)

А в стихотворении «Общее горе» вместо тишины слышатся человеческие рыдания.

Аналогичные образы в тех же значениях можно увидеть и в других переведенных Н. Рубцовым стихотворениях. Например, в стихотворении «Когда кричала сорока» птица сорока тоже приносит недобрую весть о войне:

Закричит возле дома сорока — Мать, волнуясь, глядит из сеней: О! Наверное, гость издалека С доброй вестью торопится к ней! Но... войну накричала сорока! Сколько зим пронеслось, сколько лет После этого скорбного срока!.. Но сороке доверия нет.

В стихотворении «Давно я не вставал по крику петухов» тоже встречаются символические образы птиц: петуха, скворца.

Село, где на чинаровом столбе
Осталась моего рожденья дата,
Зеленогрудое! Грущу я о тебе...
Мои поля! Где мной трава не смята...
Давно по свежевспаханной земле
Я не бродил и не слыхал спросонок,
Как блеют за стеною в теплой мгле
Коза и разлученный с ней козленок.
Давно я не встивал по крику петухов
И солнце не встречал в лощинах вешних,
Но домик наш — гнездо моих стихов
Не забываю, как скворец - скворешник...

Это стихотворение, в отличие от стихотворения «Общее горе», имеет совсем другой смысл. Это воспоминание о детстве, о своей родине, воспоминание, проникнутое ностальгией и любовью к родной земле. Соответственно, и образы птиц несут на себе другую смысловую нагрузку: они символизируют счастье и память о прошлом. Эти образы тесно связаны с памятью о родине, доме, гнезде. Мы снова видим те же самые, знакомые нам образы-символы: дом, гнездо, село, которые, как уже указывалось, олицетворяют уют, добро, прочность, счастье, родину. Но если в стихотворении «Общее горе» все это разрушено войной, то в стихотворении «Давно я не вставал по крику петухов...» это является неотъемлемой частью счастливой, полноценной жизни.

Из всего сказанного видно, что использование этих постоянных образов в привычном для них значении, которое, кстати. Н. Рубцов позаимствовал из русского фольклора, помогает ему предельно ярко и глубоко показать читателю те чувства, которые хотел выразить X. Дзаболов.

Нетрудно заметить, что стихи X. Дзаболова, которые переводил H. Рубцов, и по тематике, и по своему решению близки оригинальным произведениям самого Рубцова. К примеру, его не заинтересовали те стихи Дзаболова, на которых лежала пыль экзотики. Рубцов брал для переводов те стихи осетинского поэта, которые могли передать то общее, что было у них, живущих в разных концах страны.

Одним из таких стихотворений стало «Всегда заботой матери храним...», где звучит глубокое уважение и любовь к матери. Н. Рубцов неслучайно захотел перевести это стихотворение, ведь мать, которой он был лишен, для него оставалась олицетворением добра, любви и святости. Он постоянно обращается к ней в своих стихах:

Этот цветочек аленький Как я любил и прятал! Нежил его, - вот маменька Будет подарку рада!

(«Аленький цветок»)

И хотя во всех стихах мать представлена Н. Рубцовым умершей, даже ее могила является для него светлым местом, к которому он стремится, чтобы отблагодарить ее, как это сделал и Х. Дзаболов:

Сижу среди своих стихов, Бумаг и хлама. А где-то есть среди снегов Могила мамы. Там поле, небо и стога, Хочу туда — о, километры!-Меня ведь свалят с ног снега, Сведут с ума ночные ветры! Но я смогу, Но я смогу По доброй воле

Пробить дорогу сквозь пургу В зверином поле!

(«Памяти матери»)

Еще одна общая тема творчества обоих поэтов – трудное военное детство. Вот каким оно видится X. Дзаболову:

Меня война солдатом не застала, Чтоб взять винтовку, был годами мал. Но тоже рос голодный и усталый! Но тоже груз на плечи поднимал! Своим крылом безжалостное время Махало так, что мой мутился взгляд, - Недетских слез и всех лишений бремя Я тоже нес, как будто был солдат!..

(«Меня война солдатом не застала...»)

«Недетских слез и всех лишений бремя» пришлось перенести и Н. Рубцову.

Мать умерла,
Отец ушел на фронт,
Соседка злая
Не дает проходу.
Я смутно помню
Утро похорон
И за окошком
Скудную природу.
Откуда только —
Как из-под земли! —
Взялись в жилье
И сумерки, и сырость...

(«Детство»)

Но поражает то, что ни тот, ни другой, перенеся все эти недетские трудности военного времени, не ожесточаются,, а становятся, наоборот, крепкими духом, гордыми и добрыми людьми. «Недетских слез и всех лишений бремя я тоже нес, как будто бы солдат», – мужественно говорит Х. Дзаболов. А Н. Рубцов как будто продолжает его мысль:

Вот говорят,
Что скуден был паек,
Что были ночи
С холодом, с тоскою, Я лучше помню
Ивы над рекою
И запоздалый
В поле огонек.

До слез теперь

Любимые места!
И там, в глуши,
Под крышею детдома
Для нас звучало
Как-то незнакомо
Нас оскорбляло
Слово «сирота».

(«Детство»)

Заметьте, «оскорбляло». Сколько гордости и достоинства в этом маленьком человеке! Только из таких мужественных и гордых детей могут получиться взрослые люди, не теряющие своего достоинства в любых жизненных испытаниях.

Нередко в переведенных Н. Рубцовым стихах Х. Дзаболова можно услышать отголоски его собственных, и не только в отдельных интонациях, художественных образах, приемах, но даже в целых строчках. Так, например, после прочтения заглавия «Давно я не вставал по крику петухов...» на память сразу же приходит рубцовская строчка:

Я забыл, как лошадь запрягают.
И хочу ее позапрягать.
(«Я забыл, как лошадь запрягают...»)

Или же у Дзаболова строчки из стихотворения «Горбоносый, в

коротких штанишках...»:

Он мечтал
И не ведал сомнений
В том, что имя его прозвенит,
Что везде
И у всех поколений
Будет подвиг его знаменит!

Они очень напоминают знаменитые рубцовские строки:

Мое слово верное Прозвенит! Буду, я, наверное, Знаменит!

(«Мое слово верное прозвенит...»)

Как похожи лирические герои этих стихотворений!

Особое место в творчестве Н. Рубцова занимают образы света, огня. В его поэтике такие слова как «солнце», «звезды», «пламя», «огонь», а также эпитеты от этих слов, а именно: «солнечный», «звездный», «пламенный», «горящий», «огненный», «огнистый», «огнеликий» встречаются очень часто. «Можно с полным правом утверждать, что стихия света выступает так или иначе в каждом зрелом стихотворении Рубцова, а множество его вещей всецело основаны на этой стихии», – пишет литературный критик В. Кожинов.

Для оттенения яркости света в стихах Н. Рубцова можно встретить нагнетание тьмы, отсутствие света:

И так тревожно в час перед набегом. Кромешной тьмы без жизни и следа...

А сам свет осознается поэтом во многих стихах как ценность: эстетическая и нравственная.

Идет себе в простой одежде С душою светлою, как луч.

(«Старик»)

Мы ясно видим связь души и света. «Свет в поэзии Рубцова — это душа мира и в то же время истинное содержание человеческой души, светлое в ней. В стихии света мир и человеческая душа обретают единство, говорят на одном «языке», в стихии света преодолевается граница мира и души, свет, непосредственно переходит, переливается из мира в душу и обратно», – подводит итог В. Кожинов.

Это восприятие света и огня можно проследить в переводе стихотворения Х. Дзаболова «Огонь».

Было видно село издалека
Даже темной ночью, как днем:
Вся земля озарялась жестоко
Ослепительным смертным огнем.
Падал с воздуха огненной свечкой
Самолет, и дымилась стерня...
А чтоб только не выстудить печку,
Часто не было в доме огня!
Не смолкали горящие звуки...
А соседки, сквозь пули, тайком,
Чтоб над печкой погреть свои руки,
Шли к другим за живым огоньком.

Образ огня в этом стихотворении имеет два значения: «смертный огонь» войны и «живой огонек» человеческой души.

Большая часть стихотворения посвящена огню войны, который дается в сопоставлении с тьмой: «было видно село издалека даже темной ночью, как днем...» А сила смертного огня передается эпитетами «ослепительный», «смертный», «озарялась жестоко», «горящие звуки», метафорой «падал с воздуха огненной свечкой самолет». И если источником смертельного огня является самолет, то огонь жизни связан с совершенно другим, мирным и привычным для нас источником тепла и света — печкой: «а чтоб только не выстудить печку», «чтоб над печкой погреть свои руки».

Речь об огне, дающем жизнь, перенесена в конец стихотворения, и от этого значение этой части усиливается, хотя по объему она меньше, чем первая. И эпитетом к этому огню служит антоним слова «смертный» — «живой». А уменьшительно-ласкательные суффиксы в словах «печка», «огонек» делают их мягче, роднее.

В результате природное явление огня приобретает иной, более глубокий смысл: это огонь души, доброта человека к человеку, стремление помочь другому в трудную минуту. Именно этот душевный огонь человеческого тепла помогает выжить людям в невыносимые, казалось бы, моменты жизни, такие, как война.

Той же самой мыслью проникнуто и стихотворение Н. Рубцова «Русский огонек». Принципы ее передачи – те же самые: противопоставление света и тьмы («и было небо темное, без звезд»), упоминание о «смертном огне» войны («огнем, враждой земля полным полна»), печь как источник тепла и света:

Я был совсем, как снежный человек, Входя в избу (последняя надежда!), И услыхал, отряхивая снег:
Вот печь для вас и теплая одежда...

А также покой и счастье, которое дает мирный огонь («и, неподвижно сидя у огня, она совсем, казалось, задремала»).

Но самая главная мысль о душевном огне добра и любви звучит в финале и служит гимном человеческой доброте и милосердию.

Спасибо, скромный русский огонек, За то, что ты в предчувствии тревожном Горишь для тех, кто в поле бездорожном От всех друзей отчанно далек, За то, что с доброй верою дружа, Среди тревог великих и разбон Горишь, горишь, как добрая душа, Горишь во мгле — и нет тебе покоя...

Таким образом, свет для Н. Рубцова и X. Дзаболова – средство, способное передать красоту человеческой души, ее светлой стороны, согревающей окружающий мир.

Из всего сказанного видно, что в поэзии Н. Рубцова и Х. Дзаболова немало общего. И это не случайно: ведь и тот, и другой понимали свое назначение одинаково: утверждая национальную традицию, поэт утверждает нетленную красоту внутреннего мира человека, культуру чувств своего народа. Прекрасно, что эти поэты встретились в стенах Литературного института, их совместное творчество – «судьбы скрещенье» – открывает читателю душу осетина Хазби Дзаболова и русского Николая Рубцова.

2002 г.